

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 38

1983

Михаил СТЕПИЧЕВ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

**ФРОНТ,
ГДЕ НЕТ ПЕРЕДЫШКИ**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 38

Михаил СТЕПИЧЕВ

ФРОНТ, ГДЕ НЕТ ПЕРЕДЫШКИ

О Ч Е Р К И

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Михаил СТЕПИЧЕВ

Михаил Иосифович Степичев родился в 1921 году в селе Кяргино Ленинградской области. Учился в Институте журналистики, Киевском университете. Участник Великой Отечественной войны, награжден многими орденами и медалями. В 1957 году закончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Более четверти века работает в «Правде» — заместителем редактора по партийной жизни, редактором по вопросам культуры, быта, права и морали.

М. Степичев — автор ряда книг о коммунистах, практике партийного строительства, воспитании советского человека, о борьбе против буржуазной идеологии, подрывной деятельности иностранных разведцентров; среди них такие повести и очерки, как «Не погаси огня», «Рабочая династия», «Факел в крепких руках», «Сквозь годы и бури», «Лицом к огню», «Не пропусти зарницу», «Отцовская статья», «Звание коммуниста обязывает», «Дорогой правды», «Сердца, отданные людям», «С личным», «Человек с «двойным дном», «Конец Артура», «Их адрес: Петровка, 38» и другие. Ряд книг М. Степичева переведен на иностранные языки.

Член Союза журналистов с 1957 года, удостоен премий литературных конкурсов. Заслуженный работник культуры РСФСР.

9 мая 1945 года. Вместе со всем народом москвичи отмечали великую Победу. Ликовало людское море на Красной площади. Вдруг стихли марши, и радио стало передавать приветствия руководителей Англии и США. Площадь замерла. Когда прозвучали последние слова, многие люди, шумно аплодируя, двинулись к американскому посольству, чтобы отдать дань уважения союзникам. Не знали они тогда, что из-за темной портьеры, глядя на торжествующих, видный американский дипломат процедил сквозь зубы:

— Наивные люди! — А затем, обращаясь к сотрудникам посольства, добавил: — Они радуются тому, что война окончилась, а ведь она, по сути дела, только начинается.

Война за войной. Так и было. Самые оголтелые, реакционные силы империализма заняли окопы «холодной войны». С политическим цинизмом и лицемерием они повели тайную войну против Страны Советов, братских стран социализма.

...После победы Великого Октября 1917 года, чувствуя, что всевластие капитала шатается, империализм с лютой ненавистью бросил свои военные армады, темные силы старого мира против государства рабочих и крестьян, чтобы задушить его в колыбели. Американская газета «Нью-Йорк таймс» девяносто раз сообщала о гибели Советской власти. Но военная атака капитала не удалась. Разорвав «огненное кольцо», Страна Советов вышвырнула прочь армии интервентов.

Не достигнув своих целей на полях сражений, империалисты стали усиливать тайную войну против социализма. Война эта не затихала ни на один день, невидимый фронт ее не знает передышки. Тайные операции противника коварны, в них используется весь арсенал шпионско-подрывной работы.

Ныне агенты из корпуса ЦРУ рыщут по планете, организуя наступление на разрядку и мир. Недавно президент Рейган назвал их «героями мрачной борьбы в сумерках». ЦРУ ведет «психологическую войну», острие которой направлено против СССР и братских стран социализма. Заправила США хотят переделать мир по американскому образцу, насадить в нем порядки, удобные Вашингтону.

ЦРУ называют «американским гестапо». Многие из его агентов действуют под личиной дипломатов. Что сегодня стремятся добыть

разведчики и агенты ЦРУ в нашей стране? Секретные сведения об оборонном потенциале, наших Вооруженных Силах, объектах, намечаемых Пентагоном для ядерных ударов, о советской экономике. Их интересуют взаимоотношения СССР с другими государствами, отношения между нациями и народностями нашей страны. Идет прямо-таки «охота» за учеными и конструкторами, новейшими достижениями науки и техники, чтобы ослабить или использовать в своих целях научный потенциал СССР.

Шпионаж, диверсии и террор, радиоклевета и дезинформация, радиоэлектронная аппаратура, новейшие технические и химические средства, разведывательные спутники, корабли и самолеты, напичканные специальными приборами здания официальных представительств, многочисленные базы радиоразведки вблизи советских границ — все это поставлено на службу разведывательно-подрывной деятельности против СССР.

Видя злобные наскоки врага, вспоминаются вещие слова В. И. Ленина: «Наша рать не дрогнет... Мы себя в обиду не дадим. Нас не побили — и не побьют, и не обманут». Происки ЦРУ против Советской страны терпят провал, как провалом, они встречают достойный отпор народа-героя, народа-созидателя. В публикуемых очерках идет речь о происках американских разведывательных служб против нашей Родины, которые были своевременно вскрыты и разоблачены органами госбезопасности СССР — солдатами невидимого фронта. Чекисты всегда начеку. Они верны традициям борцов революции, рыцарей Дзержинского, беззаветных героев-разведчиков. У них миллионы помощников — советские труженики, бойцы нашей милиции, народные дружинники...

Безрассудность действий правящих кругов США, острота классово-вой борьбы на международной арене предъявляют, как отметил XXVI съезд партии, все более высокие требования к деятельности чекистов, их партийной закалке, знаниям и стилю работы. Бесстрашные солдаты незримого фронта идут этим верным партийным курсом. Революционная мобилизованность во всем и всегда, идейная стойкость, сыновняя преданность народу и партии, готовность не пожалеть своей жизни ради выполнения боевого долга — вот черты наших славных чекистов. Преодолевая сложности и трудности в работе, они зорко и мужественно несут бессменную вахту.

Будьте начеку! Ленинский завет этот живет в сердцах советских людей, вышедших на арену истории, чтобы строить и беречь новый мир — социализм. Каждый — на сторожевом посту. Бдительность и еще раз бдительность. Так было, так должно быть сегодня и завтра.

РЯДСЬ В ТОГУ ДИПЛОМАТОВ

В эти предвечерние часы у московского кинотеатра «Россия» было многолюдно и оживленно. Люди отдыхали, встречали знакомых, ожидали начала очередного киносеанса. Подходивших неизменно встречали вопросами: «Нет ли лишнего билета?» Желающих попасть на просмотр новой кинокартины, получившей в городе уже шумную известность, было намного больше, чем мест в просторном зале. И никого не удивляло, что одна за другой подкатывали автомашины с дипломатическими номерами. В этом кинотеатре обычно на кинопремьерах бывает много зрителей-иностранцев.

В ярком нарядном платье на автомашине подъехала к кинотеатру Марта Петерсон — атташе консульского отдела посольства США в Москве. Она неторопливо вышла из автомобиля, приткнувшегося среди машин иностранных марок, и степенно, важно стала подниматься по лестнице. Петерсон стремилась прослыть любительницей искусства и нередко посещала театры, музеи, встречалась с артистами, бывала на просмотрах кинофильмов. И сегодняшний приезд в кинотеатр «Россия» не казался необычным.

Американка демонстративно несколько раз прошла по просторному вестибюлю, здороваясь с знакомыми представителями дипломатического корпуса, бросала улыбки сослуживцам. Поднялась на второй этаж, потом спустилась вниз. Люди зашпешили в зрительный зал...

И дальше началось такое, что уже не укладывалось в обычные представления, связанные с поездкой на просмотр фильма или премьеры спектакля. Создав перед окружающими впечатление о приезде на просмотр новой киноленты, Марта Петерсон, как только раздался первый звонок, незаметно выскользнула из кинотеатра и быстро юркнула в свою машину. Прошло несколько минут, а она не выходила из лимузина. Что же случилось? Сеанс-то уже начался. И только спустя четверть часа из машины вышла женщина в поношенном черном платье, на голове ее был темный платок. Закрыв на ключ автомобиль, она огляделась вокруг и стремительно скрылась в толпе пешеходов...

Все проходило, как в детективном фильме. Зачем такие трюки? Это же не цирк!

А может быть, в машине была еще другая женщина? Нет, автомобиль остался пустым. Да и по спортивной походке без ошибки легко было определить, что смешалась с прохожими на улице Горького именно Марта Петерсон. Вот только зачем ей нужно было переодеваться? Загадочно. Не на свидание ли она спешила? Тогда к чему надевать старое, темное платье? Позднее, в тот же вечер все выяснилось...

Женщина-атташе, постоянно оглядываясь, порой петляя, все же шла в определенном направлении — в район Лужников. Порой,

правда, она заходила в магазины, «разыгрывала» ожидание на автобусной остановке, но машины уходили, а Петерсон продолжала идти пешком. Минутами задерживалась у газетных витрин. Наконец, Петерсон появилась в районе Краснолужского моста. Может быть, тут и состоится любовная встреча? Выждав, когда поблизости не было пешеходов, американка в черном стремительно пошла по мосту. И вот вдруг она резко нагнулась, будто пытаясь поглядеть на ровное течение реки, и незаметно, в одно мгновение прилепнула магнитный контейнер к железной балке. Все прошло удачно.

«О'кэй — хотелось произнести от радости», — призналась она потом, в ходе следствия, но Марта Петерсон не успела сказать этих слов, как была окружена и задержана чекистами. В присутствии проходивших советских людей они сняли контейнер и предложили Петерсон вместе с понатыми пройти с ними. Но госпожа-атташе словно не слышала этих слов. Она подняла душераздирающий крик, шум, ругань, точно на нее напал отряд гангстеров где-то на ночной улице в Нью-Йорке. Чекисты, остановившиеся прохожие попытались объяснить с представительницей посольства, но она ничего не хотела слушать и, подняв прямо-таки балаганный вопль, пустила в ход свой богатый опыт применения приемов каратэ и незаурядные способности в сквернословии. Конечно, это не помогло, вызвав только удивление столь низким уровнем культуры поведения работников посольства США. В этих условиях контрразведчикам, хотя они и умели дело с «дамой», пришлось применить силу.

Истеричные крики, шум, использование приемов каратэ продолжались десять минут. Потом Марта Петерсон взглянула на часы и покорно пошла к машинам, которые ожидали ее и чекистов недалеко от моста.

Что же изменилось? Оказывается, как потом выяснилось в ходе следствия, за контейнером, заложенным Петерсон, ровно через десять минут должен был явиться американский агент, и она этим «спектаклем» хотела предупредить его, спасти от провала. Но даже такая театральная истерия шпиона-дипломата не спасла американского резидента.

Вскоре Петерсон уже давала объяснения компетентным органам. Здесь пыталась уже грозить. Но когда на столе появились заложенные ею для американского агента шпионский контейнер и портативная радиостанция, атташе Петерсон поникла. В это время была извлечена из контейнера еще более опасная «деталь» снаряжения — авторучка с сильнодействующим ядом, смерть от которого наступает мгновенно. Такие ампулы провозят через кордон дипломаты, и вот одна из них была обнаружена в контейнере Марты Петерсон. Ясно, что этот яд планировали применить на советской земле. Чекисты несколько раз задают один и тот же вопрос:

— Для кого установлен контейнер?

Петерсон долго не отвечает на него. Когда же ей дали почувствовать, что это усугубит вину, призналась: для мистера Огородника. Кстати, «мистер Огородник» в то же время тоже давал показания следователям, он уже был разоблачен органами государственной безопасности как американский шпион. Выручить провалившуюся разведчицу ЦРУ госпожу Петерсон прибыл американский консул Гросс. Ему представили все материалы, которые Петерсон пыталась передать своему агенту, записи бесед с ней. Консул уже ничего не мог сделать, признав лишь: «Да, доказательства неопровержимы!». И вскоре атташе Марта Петерсон за шпионскую деятельность была выдворена из СССР.

К сожалению, она далеко не единственная среди американских дипломатов, кто сотрудничает с ЦРУ. Кинокадры дают возможность проследить, как второй секретарь посольства США в Москве Энгл и его супруга Мери, прошедшие специальную разведывательную подготовку, берут в тайнике шпионские материалы. Вот они, выехав на окраину города, создают видимость, что решили погулять в красивом уголке Подмосковья. Но, кажется, супруги думают не о прогулке. Вот они остановились, прошли несколько шагов. И вдруг жена Энгла подходит к мусорной свалке и бросает на груду грязных отбросов модную куртку. Уронила? Да нет, видно, что бросила. Потом стремительно наклоняется и вместе с курткой захватывает припрятанные разведывательные материалы, завернутые в промасленную старую тряпку. И уже быстро идет к машине. Все, знакомство с Подмосковьем закончилось... Но и такие «прогулки» не остаются тайной, и опять американский консул вынужден безуспешно «выручать из беды» провалившихся сотрудников разведки, прикрывшихся званием дипломатов.

Сотрудники ЦРУ все более оголтело и изощренно ведут разведку против СССР. Вскоре после Энгл в руках чекистов оказалась еще одна шпионская пара — Винсент и Бекки Крокот. Им было поручено осуществлять конспиративную связь с агентом ЦРУ Филатовым, завербованным во время нахождения за границей.

Материалы суда показывают, что началось это так. Однажды на пустынной улице в Алжире, по которой как обычно шел работник советского посольства Филатов, притормозила машина. Женщина-водитель, кокетливо улыбаясь, предложила подвезти молодого человека. Тот согласился. Обменялись любезностями, поговорили, и Нади (так звали водителя авто) пригласила заехать к ней и посмотреть книги из богатой библиотеки.

— Заходите смелее, — напутствовала новая знакомая.

Потом снова «случайная» встреча. Теперь уже пили коньяк, весело провели вечер. А вскоре один из американских дипломатов показал Филатову кипу фотографий, на которых были запечатлены его не совсем пристойные встречи с Нади.

— Не узнаете? — пристально глядяваясь в Анатолия, спросил дипломат. Это был первый секретарь посольства США Кейн.— Я решил вас выручить. Приобрел все пленки...

Видя растерянность Филатова, дипломат успокоил его:

— Эти фотографии никуда не уйдут, если вы выполните ряд поручений. Согласны?

Филатов смалодушничал, согласился, думал, на этом все закончится. Дальше — больше, пошли в ход крупные суммы денег, угрозы. Ловушка замкнулась, парень запутался в силках, расставленных американским разведцентром. Задания часто получал по радио с территории одного из капиталистических государств Европы. Помогала ему в этом грязном деле чета дипломатов — помощник атташе посольства в Москве Винсент Крокет и его боевая помощница по шпионским делам Беки Крокет. Но, надо сказать, недолго американской шпионской паре пришлось действовать. Они были задержаны с поличным на Костомаровской набережной в момент передачи экипировки и очередных заданий агенту. Крокеты бурно «протестовали», Беки — эта «видная» дама посольства — даже укусила понятаю.

Проявив высокое профессиональное мастерство, советские контрразведчики быстро разоблачили агента Филатова, заставили сбросить маски и сотрудников американской разведки, прикрывшихся дипломатическими паспортами. Дипломаты-разведчики захвачены с поличным и выдворены из СССР.

В последнее время чекистами разоблачена большая группа кадровых сотрудников ЦРУ, подвизавшихся в СССР под видом работников посольств. Многие из них пойманы в момент, когда проводили разведывательные операции. Так, во время закладки инструкций и шпионских материалов для агентов американской разведки Капояна и Григоряна задержаны атташе американского посольства в Москве Келли и его жена — кадровые сотрудники ЦРУ.

«Ловцы душ» из ЦРУ, прятаясь под дипломатической «крышей», лихорадочно занимаются поисками моральных подонков, разных авантюристов, алкоголиков, опустившихся людей, готовых передать им сведения, составляющие государственную тайну. В сети агентуры ЦРУ попал вор и пьяница Капустин. Его «нашли» в ресторане, где в пьяном состоянии, почуяв «заработок», он завербовался для выполнения заданий ЦРУ. Конечно, американские специалисты понимали, с кем имеют дело. Но, видимо, руководство требовало привлечь любые, даже уголовные элементы для нужд ЦРУ. Не случайно в последнее время сотрудники ЦРУ, чтобы передать материалы своим агентам, используют мусорные свалки, ящики с отходами, помойные ямы. Деталь, говорящая о многом... Ну, а грязные дела американского шпиона Капустина были быстро пресечены нашей контрразведкой.

Используя аполитичность и корыстолюбие инженера Нилова, разведчики ЦРУ завербовали его во время командировки за границу, в качестве агента. Вернувшись в СССР, он предпринял шаги к выполнению шпионских заданий, но сразу же был разоблачен контрразведкой. Такая же участь постигла вставших на преступный путь Раджабова, Казачкова, Щаранского, Скудру и других американских агентов. Эти шпионы разоблачены с помощью советских людей, для которых святой долг — охранять безопасность своего государства.

Молодые рабочие одного из заводов в Поволжье Рисухин и Козлов сообщили чекистам, что работающий на монтаже импортного оборудования инженер Колинг пытается выведать тайны, стремится посещать закрытые места. Вскоре он был задержан возле оборонного объекта, где пытался сделать кино- и фотосъемки. При задержании у него обнаружена карта, на которой отмечены важные объекты. Так, с помощью рабочих была пресечена деятельность шпиона Колинга.

У разоблаченных агентов ЦРУ и пойманных с поличным американских разведчиков изъято большое количество самого разнообразного шпионского снаряжения и материалов. Миниатюрные фотоаппараты для съемки документов под видом зажигалок и авторучек, радиоприемники. Шифры и коды. Инструкции по связи и задания ЦРУ для сообщения секретной информации. Пистолеты, извергающие нервно-паралитический газ. Достаточно нажать на кнопку баллона, выполненного в виде пистолетной рукоятки, и струя газа начнет поражать неугодных шпиону людей. Авторучки содержат ампулы со смертоносным ядом — цианистым калием. Все это снаряжение обычно доставляется в нашу страну по дипломатическим каналам. При первом взгляде на крохотный предмет со спичечную головку трудно заподозрить в нем опасную техническую «новинку». А между тем это мини-микрофон, которыми снабжают агентов американской спецслужбы. Электронные «жучки» облегчают шпионаж. Мини-микрофон может быть спрятан где угодно. Электронный шпионаж приобретает все более широкое распространение.

...Ранним утром из американского посольства на большой скорости выехала машина и промчалась на окраину. Свернув с дороги в одном из укромных мест, дипломаты начали торопливо разворачивать радиоэлектронную аппаратуру. Чувствовалось, что они спешат. Особенно нервничал Ричард Осборн. Еще бы: ему с женой поручили применить аппаратуру для передачи шпионских сообщений через американские спутники связи «Марисэт».

И когда, казалось бы, в эфир должны были полететь первые сообщения, стрелки аппаратуры нервно запрыгали, показывая, что нарушилась ее работа. К машине же шли чекисты. Американец Осборн застыл в нервном напряжении. А когда подошедшие специалисты стали разбирать аппараты, дипломат трусливо, весь трясая, стал приговаривать: «Мы дипломаты, мы дипломаты!» Он

понимал, какую кару понесет в США за такой позорный провал. Увидев его в подобном состоянии, супруга горько сказала:

— Стыдно так раскисать. Мы теперь все равно «прогорели».

А через два дня в газетах появилось краткое, но весьма серьезное официальное предупреждение: «7 марта с. г. в Москве во время работы со шпионской радиоаппаратурой был задержан с поличным 1-й секретарь посольства США Ричард Осборн. У него изъяты комплект портативной разведывательной аппаратуры специального назначения для передачи шпионских сообщений через американские спутники связи «Марисэт» и собственноручные записи, исполненные в блокноте из быстрорастворимой в воде бумаги, изобличающие Р. Осборна в шпионской деятельности.

За действия, несомнимые со статусом дипломата, Р. Осборн объявлен персоной нон грата».

Это был еще один провал ЦРУ.

В последнее время агенты американских спецслужб пытаются получить сведения при каждой возможности: перехватывают слухи, ловят разговоры в метро и электричках, пытаются завербовать каждого, кто охотно поддерживает с ними разговор. Резиденты ЦРУ не гнушаются ни большим, ни малым. Стараются «обрабатывать» людей при посещении выставок, просмотров кинофильмов, на симпозиумах, научных конференциях. Как правило, на крючок американских разведок попадают люди, не имеющие прочных моральных убеждений, склонные к стяжательству, «легкой» жизни. Поиски податливых на шпионаж ведутся непрерывно, их изучают, за ними устанавливается слежка, на них заводятся досье.

Примеров таких немало.

С ПОЛИЧНЫМ

...Рослый, угрюмый парень, с хитровато бегающими глазами третий день ходил по выставке в Москве, где был американский павильон. Он порой подолгу стоял у какого-либо экспоната, делал вид, что пристально изучает его. Набрасывал пометки в блокноте, заводил разговор с посетителями. Более пристальный взгляд мог бы заметить — выставка у парня была на втором плане, он поминутно настроженно осматривался вокруг, словно ожидая кого-то.

И вот однажды, улучив момент, когда поблизости не оказалось посетителей, парень решительным шагом подошел к американскому gidу, который, кстати, уже с первых шагов заметил необычного посетителя. Подошедший негромко по-русски сказал gidу:

— У меня к вам дело.

— Говорите тише,— предупредил американец, предварительно щелкнув кнопкой записывающего аппарата.

— Вы кто?

— Русский.

— Фамилия? Где работаете?

— Калинин. Недавно уволился из армии, пока не работаю...

Гид огляделся и, сделав нарочито скучающий вид, приготовился слушать.

— Интересуюсь жизнью в Штатах. Нет ли у вас чего-нибудь почитать на эту тему? Лучше на русском языке. Презентуйте.

— Говорите тише,— снова повторил американский гид.— Вы что, привыкли в армии к громким командам? Наверно, служили в ракетных войсках?

— Да, пришлось.

Гид оживился, стал улыбаться.

— Могу презентовать вам книги и журналы, но только завтра.

Он быстро взял блокнот и ручку и приготовился слушать, по каким вопросам интересуют книги «мистера Калинина».

— Это мне не подходит,— сказал Калинин.— Я в Москве проездом. Завтра предполагаю быть уже дома, в Ленинграде.

Американец, смерив Калинина взглядом, проговорил:

— Значит, уволены из армии?.. Что ж, может быть, сегодня вечером устроим встречу, но не здесь, а в городе. Познакомлю с моими друзьями. Они, как и я, тоже большие любители книг. Так что получите все, что надо.

Этот разговор стал известен потом, во время следствия. Удалось определить и место встречи на выставке и американского гида, который так любезно встретил незнакомого парня в военной гимнастерке, на которой еще темнели полосы от погон...

Тем временем к стендам подошли посетители. Калинин отошел в сторону и увлеченно стал рассматривать какой-то прибор, чтобы не вызвать к себе внимания. Увидев, что посетители ушли из помещения, гид кивком подозвал Калинина. Разговор был коротким. Спросил фамилию, откуда приехал и назначил встречу возле Центрального парка культуры и отдыха.

— Согласен?

— Как вас найти?

— Не беспокойся,— ответил гид.— Мы разыщем тебя. Только будь осторожен.

Встреча состоялась в назначенное время. Вместе с гидом на нее пришли два сотрудника американского посольства. Они предложили Калинину проехаться за литературой об Америке в «московский дом». Там он сможет выбрать книги по вкусу.

— Я готов,— сказал Калинин.

Поколев по городу в посольской машине, американцы привезли своего «гостя» в особняк посольства США. На прием? Для просмотра книг? Нет, оказалось, для знакомства и шпионской обработки человека, сообщившего, что у него есть важные сведения.

— Я собрал сведения о ракетных частях, где только что служил,— сказал парень,— и могу дать их. Конечно, за приличную мзду.

— Что такое мзда? — недоуменно спросил один из американцев.

— Деньги. Ну, доллары. Поняли?

Калинин не хотел проиграть в этой «грязной» игре, а американцы думали о том, как сделать из него шпиона. Этим сразу и со знанием дела тут же, в особняке, занялись работники посольства, а точнее, сотрудники ЦРУ, прикрывшиеся званием дипломатов. Парень оказался словоохотлив, податлив. Он тянулся к большим деньгам, стараясь добыть их любой ценой. Зачем? Чтобы «шикарно» пожить. Придя после действительной службы из армии, не поступал на работу, жил на иждивении матери, а сам беззаботно гулял, ездил к «дружкам». А тут сразу предложили солидную сумму денег, если он передаст важные сведения...

«Дипломаты» устроили Калинину основательный допрос и, убедившись, что парень действительно служил в ракетных войсках, засияли от радостного волнения, предчувствуя большой «улов». Калинин, обусловив сумму вознаграждения, стал выдавать все, что ему было известно, о наших воинских частях, их расположении, боевой технике, назвал адреса сослуживцев, фамилии командиров.

— У меня тут список есть,— услужливо сказал «гость». — И адреса указаны...

— Дайте сюда,— сразу протянулись две руки.

Будучи человеком морально неустойчивым, считавшим себя обойденным по службе, он стал высказывать различные измышления о нашей действительности. Личные обиды и неудачи закрыли для него окружающую жизнь, и Калинин встал на преступный путь.

Опытные разведчики подчеркнуто стали проявлять к Калинину особое внимание, восхваляли его смелые действия.

— Ты наш, парень,— похлопывая по плечу, говорил американец.— Со временем станешь богатым. Выполнишь несколько заданий — и откроем счет в банке США.

Калинину поручили собирать секретную информацию о ленинградских предприятиях. Дали деньги и сувенир — шариковую ручку с автографом президента США. Однако «дипломаты» на этом не остановились. Калинина оставили в особняке, стали обучать нового агента пользоваться тайнописью, способам связи и передачи материалов. Не кощунство ли это: в дипломатическом представительстве, где проходят официальные встречи, приемы, беседы, произносится немало слов о мире, идет вербовка и подготовка шпионов?

Через день поздно вечером, скрытно, на дипломатической машине, прикрыв Калинина ковриком, вывезли его из особняка и доставили к станции метро «Смоленская». В тот же вечер он выехал в Ленинград. Прошло некоторое время, и Калинин сумел устроиться на предприятие оборонной промышленности, начал собирать сведения, которые требовали от него разведчики ЦРУ...

Все это стало известно потом, в ходе следствия по делу Калинина. А пока в распоряжении чекистов были лишь разрозненные факты и подозрения. Мимо их внимания не прошло то, что один из посетителей на американской выставке назойливо старался установить контакт с иностранцами. Не осталась не замеченной для КГБ и беседа с американским гидом рослого, угрюмого парня с хитроватым взглядом. И тогда же встал вопрос: что заставило парня три дня толкаться на выставке? Только ли любопытство?

Так началась операция, одна из многих, которые делают честь сотрудникам органов госбезопасности. Шаг за шагом они шли к цели, опираясь на рассказы советских людей, другие данные.

С помощью работников выставки удалось воссоздать приблизительный облик этого человека. Потом стало известно, что это был приезжий, находился в столице несколько дней. Затем, словно на локаторе, нити скрестились там, где останавливался Калинин, когда был в Москве, что рассказывал людям, приютившим его. Дальше следы повели к берегам Невы.

...После возвращения сына из армии Вера Александровна буквально извелась. Три месяца Владимир нигде не работал, гулял да слушал зарубежное радио. Мать не раз с возмущением говорила о лживости западных «голосов», просила не забивать ими голову, но сын гнул свое, хвалил западный образ жизни.

— Откуда знаешь это? Ведь не прав же, — урезонивала мать, старая ленинградская работница, перенесшая блокаду. — Где ты набрался такой глупости? Не смей хаять наш родной советский дом.

Владимир молчал, да и трудно ему было ответить на слова матери.

Родственники и знакомые поддерживали мать, тоже корили Калинина, но он нервно, грубо обрывал их. Калинин принимал клеветнические, ядовитые передачи зарубежных радиостанций «Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна» за чистую монету.

Однажды из Москвы Калинину пришло письмо. Он был за городом. Решив, что, может быть, в нем что-то срочное, Вера Александровна прочитала письмо и очень удивилась: адрес написан рукой сына, а текст письма — другим почерком. Как же так? И текст-то странный. «Болят ли у Ниночки зубки? Ходишь ли ты на Невский?» Что-то нехорошее почувствовала Вера Александровна во всем этом.

Но решила обождать сына и расспросить его обо всем. Но Владимир ушел от разговора на эту тему: мол, письмо от товарища.

Вскоре на имя Калинина пришло второе странное письмо. Утром мать видела, что сын гладит брюки. Потом отложил их и стал утужить письмо, полученное накануне. Зачем бы это? Сердце матери защемило, она почувствовала, что с сыном происходит что-то неладное. Не болен ли он? И когда Владимир ушел из дома, мать достала письмо. В нем было написано: «Дорогой друг, извини задержку, но знакомый наш общий, который был в Ленинграде, сейчас уехал. Не собираешься ли ты, как и я, заняться фотографией? Чтобы достичь хорошие снимки, надо взять уютю и слегка нагреть. Провести по ней. Твой друг Коля».

А в конце была сделана приписка: «Найдите хорошую причину приехать в Москву, можно как скорее. Пройдете из Белорусского вокзала через площадь... Пакет оставьте к задней стороне телефонной будки... Уничтожьте его сообщение».

«Сын попал в какую-то грязную историю», — решила Вера Александровна и, переписав непонятный, но встревоживший ее текст письма, пригласила к себе подругу Надежду Петровну.

— Надюша, посмотри, Володька-то что получил.

Мать в это время болела, и было решено, что Надежда Петровна пойдет в органы госбезопасности, расскажет обо всем и посоветуется, как быть дальше. Там внимательно выслушали Надежду Петровну и поблагодарили ее.

Чекисты в это время уже знали о Калинине то, что еще не было известно его матери. За каждым шагом Калинина уже велось наблюдение, тщательно анализировалось его поведение на заводе.

Здоровье Веры Александровны стало хуже, через несколько дней ее отвезли в больницу. И в это же время Калинин, получив обманным путем краткосрочный отпуск на предприятии и говоря всем, что едет в Гатчину, вылетел в Москву, чтобы взять шпионский контейнер, заложенный для него разведчиками ЦРУ.

Еще в Ленинграде, спеша на самолет, Калинин при выходе в аэропорту из автобуса встретил знакомого по работе. Тот пристально, с удивлением посмотрел на Владимира.

— Куда это ты собрался?

Калинин вздрогнул, немного покраснел и сухо ответил:

— Лечу в Москву. Срочное задание на заводе не получил.

Сам он понимал, что люди чувствуют неискренность его объяснений поездки, но другого выхода не было. При посадке в самолет Владимира Калинина охватила какая-то странная дрожь. Вялыми ногами он еле переступал ступеньки трапа, глядя в себя во всех пассажиров. Такое нервное, необычно неприятное состояние не проходило всю дорогу. Он судорожно переключал из кармана в карман описание продукции завода, которое сделал по заданию сотрудников посольства США, назвавшихся работниками одного из

ведомств США. Но теперь-то Калинин понимал, что это были профессиональные резиденты ЦРУ.

Только что на днях он слышал, что за проведение подрывной деятельности и осуществление конспиративных встреч со своими агентами из СССР были выдворены атташе посольства США в Москве Р. Ленжелли, Дж. Уинтерс и другие. В одной из статей сообщалось, что при проведении разведывательной деятельности во время поездок по городам СССР были задержаны и в последующем выдворены из страны военные атташе США в Москве генерал Гроу, полковник Макбрайд, помощники военного атташе полковник Хайтауэр, майоры Снеллинг, Гепсей, капитан Стоккел...

«Может быть, — подумал Калинин, — среди них были и те, которые вели с ним беседы в посольстве, учили разведывательной работе». Сейчас впервые так остро возникло чувство — неужели его могут задержать? До этого казалось — все пройдет незаметно, он получит изрядную сумму за собранные секретные данные и уйдет в сторону. Но пока такой возможности он не видел, агенты ЦРУ все время держали его на прицеле, требуя новых и новых данных. Задания становились все труднее...

Немного задремав в самолете, Калинин неожиданно вздрогнул от скачка самолета. Тревожно он стал озираться по сторонам, ему казалось, что это пришли за ним. Но ничего вызывающего его подозрение не было, кругом безмятежно дремали пассажиры. А все-таки ребята удивятся, когда я приеду обратно в Ленинград и приглашу их в самый лучший ресторан — стал мечтать Владимир, чтобы отогнать мрачные мысли. Откуда деньги? Скажу, что получил премию за важное рацпредложение.

Выйдя из самолета, Калинин решил побродить по городу, чтобы рассеяться, да и запутать свои следы, если за ним следят. За последние месяцы он много начитался иностранных детективных романов и старался действовать так, как в них описывалась работа агентов секретной службы.

Эти часы на московских улицах, в автобусах, метро Владимиру показались неделями. Он непрерывно посматривал на часы, выпил уже не одну бутылку пива, но волнение нарастало, было такое чувство, что все его существо охватывает какая-то невидимая жесткая паутина. Когда же это закончится? Но вот уже начало темнеть.

Вечером Калинин прошел несколько раз возле телефонных будок недалеко от Белорусского вокзала и в 23 часа 05 минут взял из тайника магнитный контейнер. После этого пытался скрыться, но был задержан оперативными работниками. Из контейнера извлекли шифроблокноты, копірку для нанесения тайнописного текста, письма-прикрытия, предназначенные для отправки за границу шпионских донесений на подставные адреса, «монокуляры» — прибор для чтения микроточек, новые задания.

Во время следствия Калинин вначале пытался изворачиваться, врать, клеветать на своих сослуживцев, родственников. Однако уличенный бесспорными доказательствами в совершенном преступлении, вынужден был рассказать о своей шпионской работе, связях с представителями ЦРУ. Он полностью признал себя виновным в тягчайшем преступлении против Родины — шпионаже.

Против него была гора улик: разведывательные инструкции ЦРУ, шифроблокноты, средства тайнописи, информация, подготовленная для передачи американской разведке, пачки денег, пропуска и чистые бланки, выкраденные им на предприятии, заметки о выпускаемой продукции специального назначения.

Следствие, как на экране, увидело всю бесцветно-опустошенную жизнь человека, который продал самое святое — свой народ.

Следствие вместе с тем показало, что какой бы личиной ни прикрывался враг, он неотвратимо будет раскрыт и обезврежен. Это знают советские люди, и это чувствуют недруги. В бешеной злобе и ненависти к миру света и прогресса американское ЦРУ идет на самые коварные уловки, использует для борьбы против социализма оголтелых авантюристов, разных отщепенцев, разложившихся людей, готовых продать все на свете.

На суде, когда его спрашивали о преступлениях, он монотонно повторял:

— Да, совершил... Да, предал...

Боясь посмотреть в глаза присутствующим, он понуро глядел вниз: теперь уже ничего не вернешь, сам во всем виноват. И все-таки Калинин пытался еще выкрутиться, когда возмутительно цинично заявил: «Совершая преступление, я не задумывался о последствиях сбора и передачи американцам секретных сведений военного характера. Я в основном думал о материальной выгоде, которую я буду иметь от связи с американской разведкой».

Это вызвало взрыв негодования тех, кто присутствовал на процессе. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила В. Калинина к исключительной мере наказания — расстрелу.

«Отдал душу дьяволу, продал Родину — так отвечай сполна, — раздался негромкий, но суровый голос из зала, когда был оглашен приговор. — Предатель — нет большей мерзости...» Это был голос советских людей — патриотов своей социалистической Отчизны.

ЧЕЛОВЕК С «ДВОЙНЫМ ДНОМ»

В то время в Латвию зачастили американские дипломатические работники из Ленинграда. И погода-то на Рижском взморье была не весьма благоприятна — лили дожди, над побережьем висел туман.

И особенных событий в театральной жизни не происходило. Что же тогда влекло сюда заморских «туристов»?

Чаще других появлялся на латышской земле консул по культуре и печати генерального консульства США в Ленинграде Гайс. Он неторопливо ездил по побережью, засиживался в ресторанах, повсюду заводя разговоры со встречными. Расспрашивал о погоде: когда начинается купальный сезон, много ли рыбы в заливе, — а потом неожиданно вставлял вопросы: как относятся друг к другу русские и латыши, где здесь строятся заводы, есть ли сейчас «лесные братья». Так же вел себя и корреспондент ЮПИ Свейлис. Чувствовалось, что они хотели увидеть каких-то людей, старались завести нужные им связи, собирали информацию.

Тогда же в Риге необычно много туристов стало появляться из-за океана и ряда стран Западной Европы. Некоторые из них довольно странно вели себя. Их не привлекали шедевры архитектуры, красоты побережья, они редко заходили в магазины, а кружили по окраинам, искали встреч с кем-то. Все это, конечно, бросалось в глаза. Кое-кого, видно, очень уж интересовала Прибалтика, но с «черного хода».

Вот и в этот раз в Риге встретили большую группу зарубежных туристов. Большинство из них действительно интересовалось городом, его культурной жизнью, торговлей, спортом. Шумная, многоголосая компания быстро растекалась по городу: одни направлялись в музеи, на выставки, к памятникам истории, другие автобусом уезжали на взморье, третьи встречались с родственниками...

Но было заметно, что особняком держался невзрачный с виду человек — невысокий, худощавый, с темными, гладко зачесанными волосами. На нем были старое серое пальто, поношенный костюм и шапка, в руках тяжелый портфель. Турист бродил по небольшому городским улочкам, заглядывая в магазины, на базары, во дворы.

— Забыл, что ли, об отце-то? — удивленно сказал Ян своим товарищам-чекистам, которые наблюдали за поведением «тихого туриста». Один из них заметил:

— Петляет, как заяц. Загустывает следы...

Так оно и было. У туриста оказалось более «важное» дело, чем встреча с отцом, который здесь жил. Этот человек числился преподавателем гимназии, где обучаются дети проживающих за границей латышей. Мартиньш Зандберг, по гражданству американец, старался быть «другом эмиграции из Латвии», хотя и скрывал свое основное занятие — агента секретной службы США — ЦРУ.

Во многих местах мира им оставлены грязные следы шпиона и террориста. Они, кстати, запечатлены на фотографиях, которые теперь лежали на столе у Яна. Сверху снимок Зандберга с группой молодчиков, горланящих, машущих пестрыми листовками и плакатами. Снято в Мадриде, где он устраивал антисоветские провокации, шумные манифестации перед зданием, в котором проходила встреча

представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Вид у Мартиньша тут не тихий, а развязный, наглый. И одет он не в старое, поношенное платье, а в новенький заморский костюм. Недавно, видимо, там был, получал наставления...

Верховодя тогда отпрысками латышей-предателей, он кричал: «Мы от имени латышского народа требуем...». От имени народа... Ни больше ни меньше.

Сегодня же он ходил заискивающе-смирный, настороженный, уступая каждому дорогу. Но в органах госбезопасности хорошо знали подлинное лицо «учителя гимназии». И когда он собрался в Ригу «навещать старика-отца», в Комитете госбезопасности Латвии задумались: а только ли к отцу он едет? Зандберг в последнее время слишком зачастил в СССР. Зачем?

В те дни чекисты занимались проверкой одной по меньшей мере странной ситуации. В руки контрразведчиков попала старинная книга, которую, в нарушение советских законов, пытался тайно вывезти за границу один из иностранных туристов. После тщательного анализа на семнадцатой странице эксперты нашли тайнопись со шпионскими сведениями для ЦРУ. Где притаился человек, снабжавший вражеские спецслужбы материалами, пока не было известно. Не к нему ли стремился Зандберг?

Уже после завершения операции я спросил Яна, что имеет решающее значение в работе контрразведчика. Он задумался:

— Тут много слагаемых. Они вырабатываются годами, в коллективе...

Внук красного латышского стрелка, сын рабочего, Ян беспредельно предан делу нашей партии, народу. Он всесторонне образован. Но работа требует все новых знаний, повышения профессионального мастерства, и поэтому Ян, как и его товарищи, постоянно учится, развивает политическое чутье, чтобы быстро и точно оценивать материал, улики, делать верные выводы. Приходится работать вместе с чекистами всей страны. Так было и на этот раз. Ян и его друзья действовали плечом к плечу, понимая друг друга с полуслова, со своими московскими товарищами.

...Под вечер в день приезда Зандберг зашел в телефонную будку и позвонил. Наблюдение за Зандбергом было усилено. Вскоре вместе с отцом он появился на станции Майори. Но уходить с перрона они не спешили. Прохаживались, ожидая следующий поезд. Вот электричка подошла. Выйдя из вагона и отделившись от толпы, мимо «гостя» быстрой походкой прошел неизвестный. Они на ходу что-то сказали друг другу. Потом неизвестный вернулся, и Зандберг повел его на окраину лесного массива на квартиру некоей Скайдрите.

Вот так чекистам стал известен человек, встретившийся с Зандбергом,— это был Юрис Бумейстер, научный сотрудник Института рыбного хозяйства. Человек в городе известный.

Позднее выяснилось, что на квартире у Скайдрите Зандберг сообщил Бумейстеру новые условия связи для передачи секретных сведений, вручил очередное шпионское задание ЦРУ, малогабаритный фотоаппарат «Агфа» новейшей марки, средства тайнописи, пачки денег.

— Знаете, как пользоваться? — кивнув на аппарат, спросил Зандберг.

— Да. Давно его жду...

— Где будете проявлять пленку?

— Уже подготовил место...

— Не забывайте об осторожности.

— Все надежно.

Потом выяснилась и другая подробность: в предыдущий приезд в Ригу Зандберг по дворам, стараясь не привлекать к себе внимания, пробрался в помещение, где работал Бумейстер. Хозяин был польщен визитом. Он провел зарубежного эмиссара в свой кабинет, поговорившись с ним на всякий случай, что при необходимости представит его своим знакомым.

— Вот мое хозяйство, — торжествуя сказал Бумейстер, раскрыв перед посланцем ЦРУ огромную карту Балтийского моря.

На карте было множество пометок, в частности по запретным зонам. Такое обилие информации поразило даже опытного агента Зандберга, и, не теряя времени, он жадно, торопливо стал щелкать фотоаппаратом, делать какие-то записи...

Когда Бумейстер уже был под следствием, Зандберг снова появился в Риге. Воспользовавшись его приездом, следователи предложили Зандбергу как свидетелю дать показания по делу Бумейстера. «Знаете его?» «Да», — отвечал приезжий. «Виделись с ним?» «Да, встречался с Бумейстером, — говорил он. — Да, передавал ему задания ЦРУ». В конце разговора со следователем Зандберг собственноручно написал объяснение: «...Я не отдавал себе отчета в возможных последствиях своей деятельности. Сожалеем, что моя деятельность оказалась враждебной Советской Латвии». И устно и письменно клялся, что это больше никогда не повторится. Кажется, ясно: шпион-связник признался, что его деятельность была враждебной для Советской страны.

Учитывая клятвенные заверения, его отпустили.

Но, оказавшись за границей, Зандберг по указке своих хозяев из ЦРУ заговорил по-иному. Радиостанции «Свобода», шефом которой является все то же Центральное разведывательное управление США, он дал интервью, в котором не моргнув глазом заявил, что в Риге притесняют туристов, что его поездка была «кошмарным сном» и что никакими шпионскими делами он не занимался, а приезжал всего-навсего в гости к отцу. Жалкие потуги провалившегося шпиона!

Но вернемся к знакомому Зандберга — Бумейстеру. Кто он такой? Седой, обычно задумчивый, в золоченых очках пожилой человек небольшого роста. На людях общителен, улыбчив, внимателен и внешне кажется добрым человеком, если бы не колючие, злые взгляды, которые он подчас бросает по сторонам. Но это заметно, если пристально и долго наблюдать за ним. В компаниях «душа-человек». Защитил кандидатскую диссертацию. За ним утвердилась молва «незаменимого специалиста». Потом выяснилось, что славу эту подогревали его «друзья».

В документах писал, что по происхождению он из «семьи служащих». А на самом деле? В процессе оперативно-следственных действий выяснилось, что он выходец из семьи банкира. У отца были свои дома, виллы, поместья. Двухэтажная дача в живописном месте на взморье осталась сыновьям. Бумейстер-отец был депутатом сейма в буржуазной республике. Слыл ярым недругом СССР. Не изменил он своих антисоветских позиций и после восстановления Советской власти в Латвии, когда республика вошла в состав СССР.

Своему сыну Юрису он завещал не мириться с потерей капиталов и имений. Годами отец пробуждал в нем жажду власти, страсть к миллионам: «В них — сила, собирай их и жди своего времени...» Говорил не раз: нужно будет — бросай бомбы и стреляй из-за угла... Шаг за шагом Ян и его товарищи-чекисты прослеживают жизнь Юриса Бумейстера. В ней корни его сегодняшнего «лица»...

Еще в предвоенные годы, когда учился в сельскохозяйственной академии, Юрис подружился с сыном богача Фредисом Лаунагсом. Их свели, как теперь стало известно, ненависть к коммунистам, общность стремления восстановить буржуазный строй в Латвии. Лаунагс сразу же начал действовать, а Бумейстер выжидал «своего часа».

В 1940 году Лаунагс вступил в подпольную контрреволюционную организацию, Бумейстер же руководил профсоюзным комитетом на факультете академии. Старался показать себя активным общественником, «своим парнем». При ликвидации подпольной группы Лаунагс скрылся. Потом связался с гитлеровской разведкой, а после освобождения Латвии от гитлеровцев возглавлял банду националистов. В конце 1945 года, уходя от погони пограничников, с группой бандитов ночью на моторной лодке переправился в Швецию, где установил связь с американской и шведской разведками. Через несколько лет Лаунагс принял американское гражданство, получил чин капитана и стал работать в разведоргане США. Готовил шпионов.

...Сотрудники КГБ побывали в рыбколхозе «Банга» Талсинского района, где одно время в филиале института работал Бумейстер. Беседовали с рабочими, специалистами. Хотелось получить все данные о человеке, который стал на преступный путь.

Встретились чекисты и с председателем рыбколхоза коммунистом Микелисом Лисментом. Когда кто-то из заместителей председателя

заговорил о Бумейстере как об «общительном, деятельном, контактном» человеке, Лисмент резко встал из-за стола и возмущенно сказал:

— Раньше не замечал, а теперь, обдумывая, яснее вижу: это у него маска, двуличие. Бумейстер — человек с «двойным дном». Обещаний — хоть пруд пруди, а дел мало. Пыль в глаза умеет пускать. Рабочие прозвали его «бум» — прозвище не от фамилии, а от стремления создавать шум и срывать дело. Пришлось нам предложить Бумейстеру уехать из колхоза.

Председатель заключил:

— Вилкацис. По-русски: оборотень. Вот он кто.

Теперь уже каждый шаг Бумейстера был на учете. По всем нитям, тянувшимся от него, шел поиск...

Ноябрьским вечером с туго набитым портфелем Юрис Бумейстер выехал в командировку в Астрахань. Но не доехал... Уже у самой Москвы соседи по купе — два сотрудника КГБ — предъявили Бумейстеру санкцию на арест. Он пытался сопротивляться, но, увидев в дверях третьего чекиста — рослого, сильного латыша (это был Ян), сразу присмирел. Сел, понуро опустил голову. Немного отдышавшись, бросил:

— Да, я проиграл. Надо было еще глубже уйти... Преклоняюсь перед вами как профессионал перед профессионалами.

«Чтобы уйти глубже», он жил двойной жизнью, с постоянной маской на лице. Рассчитывал, что забудут о его прошлом, что вотрется в доверие к людям, приобретет общественное положение, знакомства. Ради этого готовил диссертацию, писал брошюры, читал лекции. «Друзьям» на Западе нужны данные о ракетах и базах подводных лодок, описания советских самолетов, сведения об экономике. Секреты эти придется доставать. Бумейстер готовился к этому тщательно, изучал технику, проявляя изворотливость, угодливость.

И вот, наконец, решив, что пришел «его час», вступил в контакт с иностранными разведцентрами. Помог это сделать выехавший за границу приятель, сотрудник института Вульф Стернин. Он отвез в США письмо Фредису Лаунагсу, единомышленнику еще «со школьной скамьи». Сотрудник американского разведоргана, Лаунагс будто ждал такого момента, быстро привел в действие нужные каналы...

Вскоре Бумейстера, как и было условлено, навестил связник из-за границы, передал материалы с указаниями для активных действий от ЦРУ, деньги и «подарки» от заокеанских «друзей». Летом 1978 года на квартире Бумейстера раздался телефонный звонок. На сей раз с ним пожелала встретиться агент ЦРУ Рута Штробль, откомендовавшаяся по телефону как туристка из ФРГ. Обрадовавшись приглашению, Юрис дал согласие, спросив только, где.

— В Юрмале, на перекрестке дорог...

Придя на условленное место, он увидел довольно милостивую особу, маленькую, худощавую. Длинные светлые волосы до плеч. Одетая скромно, в легком платьице и босоножках. Она назвала пароль и, услышав ответ, энергично пригласила следовать за собой. Рута привела Бумейстера на известную уже квартиру Скайдрите. Сразу же стала задавать вопросы: как обстановка в Риге, где имеются военные объекты в Прибалтике? Бумейстер не удивился, наоборот, охотно, подробно рассказывал.

— Говорите, прибыли новые скоростные самолеты? — спросила Штробль и тут же властным тоном распорядилась:

— Сфотографируйте на старте! Это очень важно. Сами понимаете, разведку США интересуют аэродромы, морские базы, стоянки подлодок, новые дороги, узлы связи. Вот адреса для передачи сведений почтой...

На суде Бумейстер сообщил, что выполнил поручения и направил по адресам за границу ряд тайнописных сообщений о военных объектах в Прибалтике.

Вскоре Штробль снова появилась в Латвийской ССР. Встретились опять в Юрмале. Она первой начала разговор о самолетах, их характеристиках. Юрис называл технические данные, скорости, число машин на аэродромах.

— Откуда узнали?

— Работал как-то с группой в колхозе. Познакомился там с бывшим военным летчиком. Он рассказывал о самолетах с большими скоростями. «Не верю, — подзадорил его, — кто тебе сказал? Трепач, наверно, какой-то». Разгорячился авиатор: «Да я сам летал». И пошел выкладывать цифры. А я все запоминал. На рыбалке еще один военный дополнил рассказ. Сведения совпадали. Собрал все, отпечатал на машинке, сделал снимок текста, уменьшил его и послал вам под почтовой маркой.

Штробль заметила:

— Пленку получили. Но действуете, надо заметить, рискованно, будьте осторожнее.

— Знаю, с чекистами шутки плохи.

Штробль передала агенту специальные средства для тайнописи, адреса, деньги, а также список конкретных заданий по сбору шпионской информации.

— Справитесь?

— Да. Нужны еще деньги.

— Пришлем.

Бумейстер стал искать себе помощников. Ему удалось завербовать конструктора рыболовецкого колхоза «Банга» Дайниса Лисманиса, с которым по долгу службы часто встречался. После нескольких бесед на политические темы да изрядных «угощений» Бумейстер понял: дело имеет с единомышленником — и стал готовить его к шпионской работе.

Лисманиса всегда одолевала жажда денег. Он брался за любое дело, чтобы добыть лишний рубль. А тут он почувал, что сорвет большой куш.

Позднее Лисманис признался, что он только собирал сведения, а Бумейстер передавал их за границу и, получая деньги, лишь небольшую частицу отдавал напарнику. Это было причиной частых раздоров. Но обычно несколько денежных знаков, оказавшихся в руках Лисманиса, кончали свару. Бумейстер также подогревал его все время разговорами о том, что скоро произойдут «важные события».

— Тогда я займу пост президента, — заявил он как-то Лисманису, — а кем бы ты хотел быть?

Лисманис не ответил, видимо, еще не решил, какой пост ему подойдет. Но готовился к «важным событиям», недаром на хуторе, где он бывал, чекисты нашли склад разного оружия. Они вдвоем ездили на машине по Латвии, а нередко и по соседним республикам, кружили возле военных объектов, фотографировали их, делали схемы, выведывали у знакомых — случайных и не случайных — интересующие американскую разведку сведения. Не доверяя своему подручному, Бумейстер только сам принимал зарубежных эмиссаров.

У Бумейстера побывал и Вилнис Залькалнс — агент ЦРУ, провокатор и клеветник, числившийся для отвода глаз редактором эмигрантской газетенки «Бривибя». Он раскрыл перед Бумейстером длинный список того, о чем хотела бы знать иностранная разведка. Тут и военные базы в Прибалтике, и стоянки подводных лодок, и места радарных установок и военных складов, и сведения о состоянии дорог. Мол, спецслужбы США хорошо платят за сведения подобного рода. «Артур» — таков стал теперь псевдоним Бумейстера, с готовностью согласившегося выполнить новые задания.

В тот вечер, положив в карман крупную сумму денег, агент получил от американской разведки еще одно неотложное задание. Ему поручили написать «меморандум» от имени латышского народа с требованием независимости для республики. Этот меморандум должны были переправить на мадридскую встречу представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. День и ночь потели Бумейстер и Лисманис, по-лакейски готовя редкое по лжи и пакостной галimatье сочинение. Зачитываемые в дни суда отрывки из него вызывали чувство безразличия у публики. «Раздробление нации продолжается. Игнорирование нации — также. Мы практически бесправны». И лозунг: «Латвия — только латышам». В этом пасквиле все поставлено с ног на голову. Каждая фраза пропитана ядом ненависти к трудовому народу республики, его славным завоеваниям в экономике, науке, культуре, революционным традициям, братской дружбе с советскими республиками.

Лисманис как-то вечером спросил «хозяина»:

— Меморандум отправили?

— Да.

— Но под ним нет же подписей.

— Не твоя забота, — сказал Бумейстер. — Я написал, что подписали триста представителей предприятий и учреждений. — И добавил: — Обсуждено в Риге, Лиенае, Гулбене, Елгаве....

— Ведь это неправда.

— Не дрожи, Дайнис, — жестко прогудел в трубку Бумейстер. — Кто узнает? В нашем деле все средства хороши. Не раз ведь так сходило...

На следствии он показал: «Я многие факты экономической и политической жизни страны, сообщаемые за границу, умышленно искажал, а часто давал и заведомую ложь». Так Бумейстер и Лисманис подлаживались под интересы иностранных разведок.

Следствие шло полгода. Шаг за шагом, добывая новые материалы, опрашивая свидетелей, следователи выявили все грани «дела». И вот, наконец, в материалах следствия не осталось ни одной позиции, которая бы вызывала сомнение...

На суде первым давал показания Юрис Бумейстер. Его нелегко было узнать — словно подменили. Тихим, дрожащим голосом подробно рассказывал о своей преступной деятельности. Чувствовалось: понимает, что проиграл, все карты его биты. Сгорбленный, с отвисшим подбородком, нервно сжатыми кулаками, раскрывал он свою двуличную жизнь. Кажется, и золотистые очки поблекли, и сам он сник, весь сжался. Метил в кресло президента, а угодил на скамью подсудимых за тяжкие преступления перед Родиной. После оглашения обвинительного заключения председатель спросил, признает ли подсудимый себя виновным. Бумейстер глуховато-сиплым голосом ответил:

— Да, полностью признаю себя виновным во всех предъявленных мне обвинениях. Я совершил тяжкие преступления перед Родиной, занимаясь шпионажем, сбором и передачей за границу сведений, составляющих государственную и военную тайну, клеветнических материалов, порочащих советский строй. Этим я стремился нанести ущерб Советской стране, пытался способствовать восстановлению в Латвии старого строя.

Помолчав, добавил:

— Но я прошу учесть, что многие годы работал в советских учреждениях.

Чем измерить такой цинизм предателя?

Рядом — Лисманис. Его бьет нервная дрожь. Ему никак не удается ее унять. Глаза опущены: стыдно перед советскими людьми, сидящими в зале. Долго не может начать говорить. «Виноват, полностью признаю предъявленные мне обвинения, совершил тяжкие преступления перед Родиной». В это темное дело его втянул Бумей-

стер — прожженный интриган. Думал, что он товарищ, старший, опытный, потому и сошелся с ним, а теперь видит: ошибся, тот готов на любые подлости.

Лисманис вслух рассуждает. На что отданы годы? Говорили, способный рационализатор. Что-то мог бы полезное сделать, а потратил умение и силы во вред своему народу. Тяжело подводить итоги. Но он пытается разжалобить судей, юлить, недоговаривать, о чем-то умалчивать. Судьи вопросами вносят ясность. Был агентом иностранных разведок? Был. Собирал сведения о военных базах? Собирал. Составлял пасквиль-меморандум? Да. Вел валютные сделки? Да, да, да... «Я жил под постоянным страхом перед зарубежными разведцентрами». На это прокурор заметил:

— А вы не задумывались, что скажет наш, советский народ, которому вы нанесли удары в спину, торгуя оптом и в розницу интересами и секретами Советского государства?

Подсудимый молчит, еще ниже склоняя голову. В заключительном слове он клянет ловцов душ из разведцентров, втянувших его в пропасть, просит дать возможность трудом искупить тягчайшую вину...

За преступления перед Родиной — строгий ответ. Такова воля народа. Заседание Верховного суда Латвийской ССР длилось несколько дней. Оглашается приговор: за измену Родине в форме шпионажа, передачи иностранным разведкам сведений военного, политического и экономического характера, другие действия, направленные против советского общественного и государственного строя, суд приговорил Бумейстера Ю. К. к 15 годам и Лисманиса Д. А. к 10 годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовой колонии строгого режима и с конфискацией имущества.

...Выходя на улицу, присутствовавшие на процессе глубоко вдыхают свежий ветер с Даугавы, радуются, чувствуя, как мерно бьется сердце родной Риги. И вдруг возвращаются мыслью в зал суда.

«Оборотни! Иуды! — слышатся гневные слова. — Они хотели отдать американским бизнесменам все наше самое дорогое — землю, заводы, города и села, наш славный народ. Нет, никогда этого не будет!»

ИСТОРИЯ, ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНАЯ, С БОРИСОМ Н.

Борис вошел в незнакомую виллу. Она была пуста. Где же Дуглас Терренс? Ведь они же условились здесь встретиться. Интересно, каждый раз «для занятий языком» он выбирает новое место: то у себя дома, то на квартире «друзей, уехавших в отпуск», то в пустующих загородных виллах. Оглядевшись, Борис через распахнутую дверь вышел в сад...

Советский специалист Борис Н. был командирован в одну из развивающихся стран Африки для оказания помощи в подготовке национальных научных кадров. Он свободно владел английским языком. Говорили, что он умен, знает предмет, общителен, деловит. Работа проходила успешно, его ценили в стране.

Через некоторое время после приезда Бориса в страну к нему обратился второй секретарь посольства США Дуглас Терренс и под предлогом предстоящего назначения на работу в СССР попросил давать ему платные уроки русского языка. Борис согласился. Терренс сказал, что не надо «афишировать» их знакомство, по телефону предложил называться не своим именем, а Робертом. Так ближе, по-дружески. Борис на это не обращал особого внимания.

...В глубине сада Борис заметил как всегда подтянутого Терренса в светло-сером костюме. Он с улыбкой приветствовал Бориса:

— О, дорогой друг, я жду вас с нетерпением.

Так, непринужденно разговаривая, они прошли по садовым дорожкам. Затем американец провел Бориса в виллу. Повторили некоторые правила грамматики, а потом Терренс сказал:

— Знаете, хоч побольше знать о вашей стране, давайте поговорим о ней.

— Это, конечно, полезно,— согласился Борис.

Ему даже нравился такой метод занятий, «ученик» быстрее усваивал язык, да и увлекательнее было вести беседу, аргументируя свою точку зрения примерами и фактами, которые знаешь, чем читать текст на отвлеченные темы. Терренс расспрашивал о разных сторонах советской действительности, жизни и работе ученых. И, чтобы не прослыть профаном, Борис охотно отвечал на вопросы, делился подробно своими впечатлениями о местах, где не так давно, во время поездки на родину, побывал, называя новые предприятия, стройки, о которых еще «даже в газетах не пишут».

Иногда Терренс приносил на занятия советские газеты и журналы, исчерканные карандашом, и просил разъяснить ему «непонятные вопросы». Ставил их так, чтобы почерпнуть новую информацию и услышать личное мнение Бориса. Такой подход даже льстил Н.— как высоко американский дипломат ставит его мнение, осведомленность и знания. Да и чувствовалось, «ученик» весьма быстро осваивает русский язык, словно он когда-то изучал его, а сейчас только вспоминал некоторые детали. И у них день за днем, казалось Борису, возникало чувство доверия, желание обсуждать «острые» вопросы действительности.

— У нас в Штатах, конечно, еще много безработных,— признавался Терренс.— Но, правда, они получают помощь. Могут устраивать демонстрации.

Стараясь не быть ортодоксом, Борис тоже начинал высказывать недостатки у себя в стране. Он рассказывал то, что слышал от

товарищей в посольстве, от своих друзей-земляков. Припоминал какие-то необычные ситуации, «поострее» факты из жизни, цифры, не публиковавшиеся в печати. Не подозревал Борис, что Терренс — опытный разведчик — методично направленными вопросами, дискуссиями пытается «вытянуть» у Бориса побольше информации, ну и прощупать его идейную и моральную стойкость, узнать слабости, пристрастия. Ему удалось почувствовать, что Борис страдает тщеславием, самомнением, любит не в меру украшать свой быт.

— Ваши рассказы для меня,— сказал как-то Терренс, стараясь придать словам доверительный характер,— лучше всякого учебника. С таким умом и эрудицией вы быстро сделали бы карьеру в США...

Такие беседы о «радужных» перспективах жизни в Америке нет-нет да и повторялись. Терренс исподволь восхвалял американский образ жизни. Борис возражал, но как-то не особенно решительно, и это не оставил без внимания Дуглас.

Вот и в тот памятный вечер, подливая коньяк, Терренс снова завел разговор «по разным проблемам»: как оформляются выезды советских людей за границу, о настроениях среди советской интеллигенции, расспрашивал о сотрудниках посольства. Подвыпив, Борис изрядно разоткровенничался. Поздно вечером он один уехал домой, нагруженный специально подобранной для него Терренсом литературой, сувенирами и подарками для семьи.

Постепенно втягивая Бориса в липкую шпионскую паутину, американец платил ему «за обучение» все больше и больше денег. Казалось, что Н. наконец возмутится и не станет брать лишние деньги, но он не сделал этого, чтобы «не обижать нового знакомого», — давали знать непомерное тщеславие, корыстолюбие и беззаботность. Этим и пользовался Терренс. Видя идейную нестойкость, беспринципность Бориса Н., американец становился все нахрапистее, и однажды, когда Борис сказал, что собирается купить автомашину, но не хватает денег, Терренс «великодушно» предложил ему нужную сумму для покупки авто американской марки, а заодно подарил жене — «чтоб не была в обиде» — украшение.

— Отдадите деньги в Ленинграде или Москве,— заметил он.

Бориса растрогала такая щедрость. Когда он серьезно заболел, Дуглас проявил подчеркнуто заботливое участие, достал дефицитное лекарство, привел американского врача.

— Специально вызвал из США,— сообщил он.— Чего не сделаешь для коллеги!..

Уже «коллеги»?! Потом, кстати, выяснилось, что врач-то жил тут же в городе и его не надо было «специально вызывать» из Америки. Но это потом, после отъезда Бориса. А тогда это сообщение, медицинская помощь произвели определенный эффект.

И когда Борис уже с доверием стал относиться к работнику американского посольства, заходить запросто к нему в гости, тот повел

разговор о войне и мире, стал играть на искренних чувствах советских людей, выступающих против войны. Мы ведь тоже за разрядку, за мир, говорил Терренс, но «должны контролировать, знать, как Советский Союз выполняет соглашение о разрядке». «Мы тоже за контроль»,— согласился Борис. «Раз так, то помогите нам. И за разрядкой нужно наблюдение»,— заметил Терренс.

На удивленный вопрос, кому и как помочь, Терренс, не смущаясь, прямо заявил, что он является сотрудником ЦРУ и обращается к Борису как к «умному человеку», которому «близки и понятны» цели представляемой Терренсом организации, борющейся «за свободу и гуманные мирные идеалы». Говорил он негромко, но властно, тоном, не допускающим возражений. Шпион в обличье дипломата? Тут, наконец, Борис понял, с кем имеет дело, и сказал нерешительно: — Мне бы не хотелось обсуждать подобные вопросы.

И только. Не сумев перебороть себя,— да и жалко было терять немалый заработок,— Борис продолжал заниматься языком со шпионом-дипломатом. Как будто бы ничего и не произошло. Не знал он, что американская разведка уже несколько лет изучала Бориса, подбирала «ключи» к нему, подмечая в нем хвастливость, себялюбие, страсть к деньгам. Да, Борис Н. был знающим специалистом, но недостаточно зрелым политически, он не учитывал всех тонкостей идейной борьбы на международной арене, коварства противника. Иногда возникала мысль отойти от Терренса, но тут же чувствовал себя уже «обязанным ему» — купленная машина, лечение, подарки... Мысли раздваивались... Как поступить? Сообщить в посольство? Пока решил этого не делать.

Терренс же между тем стал недвусмысленно шантажировать Н., приводя кое-какие факты о его пребывании за рубежом, о контактах еще студентом с иностранцами в Ленинграде, где ему дарили заграничные вещи, давали для чтения книги, которые привозили нелегально. «Все это,— явно угрожая, заявил Терренс,— в досье ЦРУ и легко может стать достоянием советских органов. Короче, вы уже с нами, подействуйте, надо вместе действовать...»

Так, проявив малодушие, пойдя на сделку с совестью, Н. постепенно втягивался американским разведчиком в фактическое сотрудничество с ЦРУ. Боязнь разоблачения мешала Борису рассказать обо всем в посольстве. Думал: вот уеду на родину, а там «ищи ветра в поле...» А Терренс, теперь уже сбросив маску, стал давать указания Борису, ставил вопрос о переходе на дипломатическую работу, например, в представительство ООН...

Незадолго до отъезда Бориса на родину Терренс стал приезжать с другим американцем — мрачноватым, грузным человеком, которого представил как «специально приехавшего из США технического инструктора Сэма».

— Сэм — бывалый человек, он кое-чему научит вас,— заметил Терренс.

Сэм начал учить «шпионскому ремеслу», работе с шифрами, тайнописи, чтению микроточек, составлению писем-прикрытий, приему кодированных радиопередач, пользованию специальными электронными приборами. Терренс сообщил, что ЦРУ после возвращения Бориса в СССР передаст через тайник все средства связи, шифры, рекомендовал запомнить пароль, с которым на него выйдет «надежный человек». Борис был предупрежден, что когда он окажется за границей, чтобы сразу же позвонил по указанному телефону.

Слушая все эти инструкции и задания, Борис все больше проникался чувством страха. Он боялся «разгневать» такого «любезного» к нему Терренса и мрачноватого Сэма, понимая, что от них всего можно ожидать. Нет, нет, скорее на родную землю. А там — концы в воду, и все пойдет, как прежде.

Приехав в Ленинград, Борис никому ничего не рассказал о том, что произошло с ним за границей, успокаивал себя мыслью: «Все обойдется». Но не обошлось... Уже через несколько месяцев он получил из разведцентра ЦРУ по почте первое письмо. В нем было задание собирать и передавать информацию об оборонных предприятиях города, их руководителях, говорилось, как принимать радиосигналы.

И тут встал вопрос: «Как быть?» Теперь надо было на него давать недвусмысленный ответ.

В это же время Борис узнал из газет о суде над американским шпионом и перепугался уже не на шутку. Если он ответит на письмо, сообщит разведывательные сведения, то это будет настоящий шпионаж. Чего, конечно, Н. не мог допустить. Ведь тогда о последствиях страшно было даже подумать. Несколько ночей Н. почти не спал.

О судьбе Бориса Н. думали и чекисты, задаваясь вопросом, как поведет он себя дальше, сумеет ли найти мужество прийти к ним и честно рассказать о случившемся.

Пусть с запозданием, но все же Борис Н. нашел в себе силы откровенно рассказать о своих взаимоотношениях с Терренсом и его «коллегой» по ЦРУ во время заграничной командировки. Он рассказал и о том, что уже после возвращения в СССР на квартиру к нему явилась некая Кириенко, когда-то знакомая Бориса, вышедшая замуж за англичанина. Она щебетала обо всем, а между разговорами о домашних делах, книгах, нарядах успевала ставить вопросы, как он чувствует себя, когда поедет за границу: ведь там его ждут друзья. Зачем приходила Кириенко? Стало ясно: ЦРУ интересовалось, готов ли он выполнять задания. Конечно, Борис запутался в силках, расставленных американскими разведчиками, однако не совершил преступления, действий в ущерб государству и честно обо всем происшедшем рассказал. Наш закон гласит: «Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий

не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой».

И поэтому Н. не был привлечен к уголовной ответственности и продолжает работать по специальности. Бороться за каждого человека, спасти попавшего в трудную ситуацию, оступившегося, — об этом никогда не забывают чекисты.

Так было и с Борисом.

Случаи такие не единичны. Помня о глубоко гуманных, партийных целях дела, которому они служат, чекисты не раз помогали советским людям стать на правильный путь, ограждали их от коварных действий империалистических спецслужб.

Второе письмо ЦРУ Борис Н. принес в управление КГБ. В нем говорилось о закладке для Бориса во дворе Боткинской больницы в Ленинграде тайника со шпионскими инструкциями. В письме было указано: «При входе найдете электробудку, возьмите пакет. Смотрите схему...».

Посоветовавшись с чекистами, Борис Н. скрытно взял контейнер и, как просили американцы, здесь же установил новый — с информацией для ЦРУ.

Теперь уже чекистов интересовало: кто же придет за контейнером? Шла большая аналитическая работа, чтобы успешно провести операцию, задуманную советскими контрразведчиками. Нити тянулись к сотрудникам американского генконсульства. Изучая материалы, чекисты пришли к выводу: вероятно, у тайника появится вице-консул Шорер.

Фигура эта была известна. Когда он еще работал в Москве, то не раз проявлял подозрительный интерес к определенным объектам.

В последнее время Шорер что-то нервозно вел себя в Ленинграде: рыскал по городу и его окрестностям, беспричинно заходил на рынки, в рестораны, музеи, магазины, зачастил в Боткинскую больницу. Правда, там лежала заболевшая американка, но Шорер почему-то раньше не проявлял такой «трогательной заботы» о своих соотечественниках. С утра в тот день, когда американцами намечалась операция по изъятию тайника, Шорер был необыкновенно активен. Проехал мимо дома, где была сигнальная метка о тайнике. И это уже настораживало.

Наступали зимние сумерки, сплошным потоком шли с работы ленинградцы. Падали редкие хлопья снега. И в эти минуты Шорер, оставив на соседней улице свою машину, тревожно оглядываясь, направился к Боткинской больнице. Зачем? Ведь американки-то там уже не было, она выздоровела и выписалась.

Зайдя в приемное отделение, Шорер с любезной улыбкой передал дежурной сестре дешевый сувенир. Затем быстро вышел на улицу, приблизился к электробудке и резким движением руки извлек магнитный контейнер. И тут же был задержан чекистами-контрраз-

ведчиками. Сначала Шорер пытался было оказать сопротивление, но быстро понял бесплодность этих попыток. И тогда он решил разыграть спектакль: стараясь удариться лицом о тротуар, он пытался нанести себе травмы, с тем чтобы создать повод для обвинения сотрудников КГБ. Но все его ухищрения были тщетны.

В присутствии понятых у Шорера был изъят магнитный контейнер. О происшедшем сразу же сообщили генконсулу, который вскоре прибыл. Его ознакомили с существом дела, записью момента задержания агента. Шорер все порывался что-то «объяснить» консулу, но тот не стал его слушать. Махнув рукой, сказал: «Молчи уж теперь».

В Вашингтоне советский посол сделал госдепартаменту США заявление по поводу недозволенной деятельности Шорера и потребовал принять необходимые меры к недопущению подобных действий со стороны дипломатов США, аккредитованных в Советском Союзе. Шорер был выдворен из нашей страны.

...Встречаясь недавно с участниками операции, положившей конец деятельности в СССР матерого разведчика Шорера, я не мог не восхищаться этими людьми — удивительно находчивыми, верными долгу, с твердой волей и в то же время с чистой, доброй душой. Много добрых качеств у них. Какие выделить? Это люди большой культуры и интеллекта. Веселые, дружные, смелые. Настоящие бойцы незримого фронта.

Вспомнились слова Феликса Дзержинского: «Тот, кто стал черствым, не годится больше для работы в ЧК». Они отдают сердца и все силы трудному, но почетному делу, берегут и развивают традиции первых чекистов — людей из легенды, верных стражей революции.

...В последнее время при выездах советских граждан в зарубежные страны агенты ЦРУ все более бесцеремонно и коварно применяют всевозможные провокации, чтобы склонить наших людей к измене Родине. Применяют разные уловки, хитрые приемы. Как правило, тщетны такие попытки.

Граждане нашей страны и в самых трудных условиях проявляют высокую идейность, верность своей Родине, в подавляющем большинстве случаев своевременно распознают провокации и провокаторов. Они не позволяют втянуть себя в шпионские сети. Вот достойный ответ советского юноши-комсомольца П. Русанова. Когда в Антверпене представители иностранной разведки пытались шантажом и угрозами толкнуть его на путь предательства, он сказал:

— Что вы пугаете меня? Вас здесь пятеро слуг ЦРУ, а за мной великая Родина, двести семьдесят миллионов моих соотечественников! Что вы можете сделать с нами?!

Так ведут себя советские патриоты. Люди высокой цели, нравственности, строители нового мира, несущие в своих сердцах чувство патриотизма, правоту ленинского дела.

В СЕМНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

И надо же было случиться: возвращаясь с фронта, Тимофей Клюев проехал свою станцию. Невесть как велика она, но ведь в этих местах прошло его детство и все так близко и дорого. Сдохнул, а «товарняк» уже миновал стрелки и набирал скорость. «Вот незадача-то», — горько вздохнул Тимофей и в следующую секунду по-армейски решительно и быстро прыгнул с поезда...

Прыжок получился неудачным: подвернул ногу. Корчась от боли, сжался весь в комочек — маленький, худенький, — и стал корить себя: «А еще разведчик!» Стыдно и обидно было. Отшагал пол-Европы, а тут, на тебе, споткнулся у родного порога. И не потому, что вздремнул, хотя, конечно, после многих бессонных ночей и последних контузии спать страшно хотелось; и не потому что запамätывал свой городок, школу, где семь лет в раскрытые окна слушал певучие гудки паровозов. Нет...

Просто размечтался, захватили его воспоминания военных лет. Четыре года ведь не был дома. Ушел в тринадцать лет, а сейчас уже семнадцать. В памяти особенно остро всплыли последние дни войны, взятие Берлина, а потом марши-броски на танках к Эльбе, встреча там с американскими солдатами. Звездочки красноармейские они просили на память. Дал свою и Клюев. Помнят ли они о той встрече?

А вечером тревога. В лесу объявилась банда гитлеровцев-головорезов. Они выслеживали советских офицеров и дерзко нападали на них, зверски убивали. «Найти всех бандитов и обезвредить!» — получила приказ группа армейских чекистов. Руководитель группы лично подбирал людей в помощь чекистам для проведения операции. Нужно было немного воинов, но опытных, беспредельно храбрых, имеющих практику выполнения спецзаданий. Клюев в это время был в отряде пограничников. Туда и пришел офицер-контрразведчик. Отряд построили, и майор обратился к бойцам:

— Кто пойдет добровольцем?

Почти весь отряд шагнул вперед. Пришлось отбирать наиболее опытных, выполнявших не раз оперативные задания. Увидев Клюева, майор сказал:

— Будешь со мной.

Он хорошо знал Тимофея. Не раз чекисты брали Клюева на ответственные задания, когда ловили вражеских диверсантов, проникших в тыл наших войск, искали скрытые склады с оружием. Клюев тут был незаменим. Маленький, худенький, с копной волос, похожий на девчонку — не зря его деревенские ребята прозвали «Лилькой», он проникал всюду и самое главное — имел удивительное чутье разведчика. Иногда переодетым ходил по армейским тылам, бродил по дорогам, деревьям, незаметно выявлял вражеских лазутчиков. Сам, конечно, не брал их, но всегда успевал о шпионах

быстро сообщить чекистам, нашим солдатам. Многих вражеских диверсантов, переодетых полицаев, пытавшихся собрать сведения среди наших солдат, определить, где штабы, узлы связи, выявил Тимофей.

Был такой случай. С двумя чекистами ехал Тимофей в полк, вырвавшийся вперед. Там они должны были организовать разведывательно-диверсионную группу и проникнуть в немецкий тыл, чтобы уничтожить важный фашистский узел связи. Дело это было за Одером. На развилке регулировщик перекрыл им дорогу и хотел машину чекистов направить по неверному направлению.

— Почему не пропускаете? — спросил офицер-чекист, выйдя из кабины.

— Не велено.

— Кем?

— Начальником, — ответил регулировщик. Тимофей за это время, выскочив из машины, оказался сзади сержанта-регулирующего. Он сразу почувствовал что-то не настоящее в облике сержанта — новенькая гимнастерка, автомат на весу (обычно у регулировщиков были винтовки), держится настороженно, напряженно. «Хенде хох!» — крикнул Клюев, и удивительное дело — регулировщик судорожно вскинул руки вверх. Офицер в это время подскочил и забрал у него автомат.

— Документы! — приказал капитан. Дрожащими руками регулировщик достал солдатскую книжку. Новенькую, чистенькую. Капитан осмотрел ее и передал Клюеву.

— Давно на фронте? — спросил капитан.

— Да.

— Кто вас сюда поставил?

— Дежурный.

— Где он?

— Ушел куда-то.

В это время подъехала машина с разведчиками. «Тимоша, давай с нами!» — закричали знакомые ребята. «Нет, нельзя, тут надо навести порядок». По радию вызвали офицеров с КПП. Они быстро появились, и картина сразу прояснилась: диверсанты-гитлеровцы, убив нашего регулировщика, на его место поставили своего. Подставной «сержант-регулирующий» вскоре признался в этом, и его под охраной направили в отдел контрразведки, а Клюев с товарищами продолжал свой путь...

Сколько было таких случаев. Чекисты любили Тимофея Клюева, смелого, умного, неутомимого разведчика. Вот и в ту тревожную ночь он неотступно был с майором. Воины бесшумно прочесывали лес, стремительными налетами ловили переодетых фашистов, скрывшихся в дачных домиках. Под утро, когда уже, казалось, банда была разгромлена, по лесу откуда-то стали бить немецкие минометы. Майор вызвал нашу артиллерию, указал координаты минометной батареи

и попросил уничтожить ее. Но не успели открыть огонь наши артиллеристы, как немецкая мина шлепнулась рядом с Тимофеем. Его обдало горячей волной, отбросив на густую траву...

С той секунды пропали слух и голос. Только в медсанбате Клюев пришел в сознание. И тогда показалось: все, отходил ты свое, Тимоша. А еще собирался послужить в контрразведке или в пограничных войсках. Нравилась эта служба, когда каждый час начеку, в поисках противника, всегда на страже безопасности Родины. Но не вышло. Долго чувствовал, как качается палата в госпитале, ходил шатаясь. Пришлось год проваляться в госпитале. Год ничего не слышал и не мог говорить.

Потому-то еще и не услышал Тимофей, когда назвали родную станцию, да все равно бы не узнал: она лежала в развалинах...

— Откуда такой? — До Клюева донесся жесткий голос, и он немного приподнялся, опираясь о каменистый бугор. Рядом — высокий мужчина в небрежно наброшенной на плечи шинели. Лицо смуглое, полное. Он удивленно разглядывал Тимофея, его ордена и медали на гимнастерке.

— Где взял? Наворовал?

Тимофей, сверкнув гневно глазами, отрезал:

— Не тронь! За них плачено кровью...

И взял шинельку и вещмешок, не выдавая режущей боли в ноге, пошел к станции, едва видневшейся в предгрозовой полутьме. Незнакомец же, хоронясь, другим путем прибежал к вокзалу. И когда Тимофей, утомленный, присел на скамейку, к нему подошли два милиционера, а следом и тот толстяк, приговаривая:

— Он, он самый...

— Пройдемте в отделение, — попросил сержант-милиционер. Клюев спросил: «А в чем, собственно, дело?» «Там разберутся, — сказал незнакомец и добавил: — Поторопись, когда начальство требует». В отделении сержант, кивнув на награды, спросил: «Где достал?» А его напарник добавил: «Пять орденов, да еще медалей, пожалуй, фунта на два будет».

— Ясно где, — хмыкнул толстяк, — стянул пацан, думал, тут у нас нет порядка, не разберутся. А попал сразу туда, куда следует...

Клюев молча достал из кармана пачку документов и с достоинством протянул их сержанту. Тот долго, внимательно вчитывался, а потом заключил:

— Все правильно у старшины Клюева. Герой-парень, хоть и юн еще. А вы, гражданин Полотнянный, второй раз впросак попадаете, дурное о людях думаете. А сами... Ну да разберемся со временем.

Клюев, откозыряв, ушел. Не думал он, что еще встретится с этим «гражданином Полотнянным»... Впереди бежала тропинка к школе, он пересек стадион, увидел военкомат, и другие мысли завладели

Тимофеем. Сюда приходил он записываться в армию. Не взяли. «Мал еще», — сказал военком.

То были тревожные дни. Приближался фронт. Тимофей не уходил, молча стоял, готовясь высказать военкому самое заветное.

— На фронт хочу идти, бить гитлеровцев. Не глядите, что я мал. В разведке справлюсь с любым заданием...

— Понимаю, но ничего не могу сделать, — вздохнул военком, хотя и видел неподдельное желание паренька помочь общему делу. И чтобы не совсем расстраивать его, сердечно взял парня за плечи и проговорил:

— Еще пригодишься. Не горюй. Мы подумаем...

Шагая домой, Клюев размышлял: «Эх, если бы был жив отец, наверняка бы взял с собой на фронт. Не подвел бы я его». Перед войной Клюев прочитал десятки книг о героях-революционерах, славных бойцах Красной Армии, партизанах. Его идеалами стали Спартак, Гарибальди, Чапаев, Дзержинский... Вот это люди! На всю жизнь врезался в память такой эпизод из жизни «железного Феликса».

В 1916 году Дзержинский отбывал заключение в Бутырской тюрьме, сидел в одной камере с эсером. Человек этот был мрачен, опустился, потеряв веру в революцию. Дзержинский же, наоборот, был подтянут, весь в готовности к борьбе. Он чувствовал всем своим существом, сердцем революционера наступление «великой бури».

— Я убежден, — сказал он как-то соседу, — что не позднее чем через год революция победит.

— Не может быть, — последовал ответ.

— Ну, давайте пари.

— Идет.

— На каких условиях?

— Если ваше предсказание, Феликс, оправдается, — сказал эсер, — я отдаюсь вам... в вечное рабство.

И вот после Октября к Дзержинскому пришел человек. Это был его сосед по камере. Он к тому времени уже стал большевиком.

— Вот пришел мой «раб», — шутливо сообщил Дзержинский своим товарищам и, рассказав историю, вместе со всеми долго добродушно смеялся...

Однажды в августе Тимофей от дружков узнал, что к ним приехал «товарищ из Минска» и отбирает ребят в диверсионно-разведывательную школу. Вместе со своим товарищем Володей Снежковым пошли к нему. Представитель ЦК быстрым, острым взглядом оглядел Тимофея — маленького, щупленького, похожего на девочку-подростка. Сказал, улыбаясь:

— Миниатюрен. Да лет-то тебе небогато...

— Хватит, чтобы фашистов бить, — выпалил Тимофей.

— Молодец, орленок. — И «товарищ из Минска» ласково потрепал Тимошу за чуб. — Пусть немного побудет дома, а потом пошлите в диверсионно-разведывательную школу. Из парня выйдет толк.

Жалко было расставаться с Володей Снежковым, — тот прибавил себе год, и его, 14-летнего комсомольца, сразу же взяли, — а Тимофей опять остался дома, сказали лишь, что когда нужно будет — найдут.

Оставаясь в селе, Ключев вместе с одногодками как мог боролся с гитлеровцами. Перерезали линии связи. Повредили плотину, по которой проходили вражеские машины. Распространяли листовки, доставляли партизанам сведения. Как-то однажды ночью Тимоша тайно проник в немецкий оружейный склад, набрал там в мешок автоматов и гранат и бесшумно исчез. Обливаясь потом, он донес эту драгоценную ношу до передовых постов партизан. Бойцы подхватили ношу и вместе с Ключевым доставили командиру. Тот расцеловал мальчишку, о котором уже многое знал. Партизанам оружие было весьма кстати, они готовились к крупной операции.

Узнал в те дни Тимофей от разведчиков-партизан печальную весть: гитлеровцы зверски убили его мать. Посуровел парень. «Ну, будет вам, гады!..» И до сих пор не может простить себе роковой оплошности. Когда бежал с оружием, уронил кепку. Искать в темноте не стал, торопился. По этой улике полиция выяснила, кто «посетил» ночью склад с оружием. Аграфена Алексеевна выдержала все пытки, но не выдала партизан...

Оставшись в отряде, Тимофей вызывался на самые опасные операции. Действовал бесстрашно. К детской кличке присоединилось грозное слово «мститель». «Лилька-мститель» — так шутили теперь звали его друзья детства. Плечом к плечу громили они гитлеровцев, приносили из разведки ценные данные. Чудесные, добрые, верные друзья. Они остались в сердце на всю жизнь. Иван Прокошин, Люба Кабыш, Наташа Бескаравайная, Нина Снежкова. Потом, после войны, Снежкову назначили заместителем Председателя Совета Министров Белорусской ССР...

Это вместе с ними как-то пустили на воздух железнодорожный мост, по которому шло интенсивное движение гитлеровцев. Желавших участвовать в операции было много. Отобрали наиболее бывалых. Всю дорогу лил дождь. С трудом добрались к железной дороге. Потом пришлось долго лежать в болоте, чтобы изучить повадки вражеской охраны. Солдаты грелись в блиндажах, появляясь время от времени на несколько минут у моста. Наконец, партизаны все уяснили и ползком пронесли тол, установили мины. Тимофей был связным командира, и он не раз проникал к мосту и обратно, передавая данные, приказы. И вот грянул взрыв. Отряд уже уходил лесом к условленному месту. День провели в густой роще, а в следующую ночь добрались до партизанской базы. Конечно, усталость валила с ног, но Ключев был доволен, что ему доверили участвовать в таком деле.

В августе сорок третьего партизаны соединились с частями Советской Армии. Тимофея Ключева сразу же взяли в разведку. Ходил он с танкистами и конниками в рейды, участвовал в захвате «язы-

ков». «Кто добровольцы?» — обычно говорили командиры, и Клюев был первым. «Не мог представить,— говорит Тимофей Пантелеевич,— что меня могут убить. Даже как-то об этом и не задумывался. Хотелось скорее дойти до Берлина, поставить точку на войне». А путь до Берлина был нелегок. Иногда раскроет свои записи, посмотрит — целая огненная повесть...

Однажды, когда вернулся Тимофей после выполнения специального задания, его вызвали к маршалу Жукову. Георгий Константинович, словно родного сына, обнял юношу и ласково-ласково сказал:

— Сделал ты большое дело. Прости, что такую трудную задачу поставили, но другого выхода не было. Волновались мы тут все за тебя...

А на Одере разве было легче? Нет, пожалуй.

— До сих пор снится,— вспоминает Тимофей Пантелеевич,— одерская «кровавая купель». Разведчикам дали задание прощупать огневые точки врага на том берегу, где засели гитлеровцы. Все там было изрыто, словно кротовыми норами. Где стоят пушки, танки, пулеметы? Гитлеровцы не раскрывались. Они понимали, что это один из последних рубежей перед Берлином, и стянули сюда большие силы — множество техники, отборные части. Как взять рубеж? Прежде всего надо разведать врага, его огневые средства, «спровоцировать» на открытие огня... Подобрали группу надежных ребят, в нее включили и меня. И рад был доверии, и жутковато было выкупаться в ледяной воде. В лодках, под прикрытием опор взорванного моста, поплыли ночью к вражескому берегу. Без единого звука. Сначала все было тихо, лишь яркими зонтами вспыхивали ракеты. Мы, нагнувшись, неторопливо гребли. И все же на середине реки нас обнаружили и накрыли огнем. Одна лодка сразу пошла ко дну, другая — перевернулась. В ледяной воде, под прикрытием своего деревянного «дредноута», мы вплавь добрались до берега. Мало кто тогда выжил, но огневые точки врага были разведаны, а часть из них уничтожена. Потом наши войска быстро форсировали реку на этом участке. Из оставшихся в живых встретил вскоре Федю Шульченко. Обнялись братски.

— Выжил,— говорит,— после такой немецкой купели?

— Выжил.

— Значит, проживешь долго.

Не предполагал Федя, что впереди предстояли не менее трудные испытания, особенно в битве за Берлин. Там, в душных подземельях, Клюеву и его друзьям удалось найти важный кабель связи гитлеровского штаба,— подключились к нему и стали передавать нашему командованию ценные данные.

За такие операции, как битва за Берлин, переправа на Одере, и еще были десятки, когда действовал вместе с танкистами, пехотинцами, не раз переходил линию фронта, и за пятнадцать «языков» семнадцати-

летний воин старшина Тимофей Ключев получил восемнадцать боевых наград.

После госпиталя еще два года отходил от фронтовых увечий и нервных перегрузок Тимофей. Жил у тети, немного помогал по хозяйству, учился. Мысль о службе в армии, в погранвойсках пришлось оставить. А когда молодость все-таки победила недуги и раны, покрепче стал на ноги, его взяли на работу в райком комсомола, а потом молодого коммуниста направили руководителем Дома культуры.

Но все же его влекло другое. Хотелось быстрее очистить землю от всякой нечисти. И стал продолжать борьбу — с преступниками, жуликами, хулиганами — теми, кто мешает людям спокойно жить и работать. Так, израненный, после тяжелой контузии Ключев, образно говоря, с одного фронта попал на другой. На невидимый, но тоже нелегкий. Разную, полегче, работу предлагали ему, но он пошел туда, где служба насыщена тревогами и борьбой — в правоохранительные органы. Что вело? Желание активно пресекать подлость, жульничество, воровство, закрывать каналы и щели, по которым пытались проникать к народному добру преступные элементы. Рожденное в детстве чувство любви к светлому, доброму, ненависть к подлости стали основой характера, получившего крепкую закалку на фронте. А такой характер не идет на сделку с совестью, с враждебными взглядами.

Быть всегда и всюду бойцом не просто. Услышал однажды в переулке крик женщины, на нее напали хулиганы. Мгновенно бросился на помощь. Не остановило его и то, что бандитов было трое. Схватил одного, но вдруг страшный удар сзади по голове. Упал. Секунду-две приходил в сознание, потом вскочил — и в погоню за преступниками. Догнал одного, с помощью прохожих задержал. Вскоре поймали и других.

В больнице хирург, осмотрев, заключил:

— Рана опасная. Вряд ли выживет...

Выжил Ключев, пролежал на койке два месяца. И ни секунду не сомневался — правильно ли поступил, шагнув навстречу смертельной опасности. «Мужество, неподкупность, чуткость» — эти слова стали девизом Ключева. Подвиг рождается задолго до его совершения. Он зреет. А если просто так, вспышка гнева при виде опасности — это самозащита, спасение себя.

Ключев окончил следственную школу, а затем и юридический факультет Ленинградского университета. Вот уже тридцать лет он несет нелегкую службу следователя, ему обычно поручают наиболее важные дела. И не было случая, чтобы какое-то преступление не раскрыл, должным образом не расследовал. Но хлеб следователя — принципиального, неподкупного — соленый, а порой и горький.

За лучом истины... Он, коммунист Ключев, изъездил всю страну — мерз на Чукотке и бродил по болотам Карелии, вышагивал в песках Каракумов и поднимался в горы Кавказа. Иногда лучик истины чуть-чуть мелькнет, а потом надолго исчезает. И тогда от Тимофея Ключева совесть коммуниста и долг государственной, политической службы требуют еще большей силы воли, собранности... И дни раздумий над следами, уликами, данными экспертизы помогали ему снова увидеть луч истины... Многие в мастерстве пришло с годами, а вначале не обошлось и без срывов.

Долго возился он с первым делом. Приехал на станцию в Сибирь молодой следователь, в новом костюме, с толстым портфелем. И признаков седины еще не было, да и этих мешков под глазами. «Новый следователь», — шептались девчонки. А Ключев, не ведая отдыха, собирал данные, побывал на месте преступления, вел допросы. Задержанный признал свою вину, и дело было передано в суд. В суде обвиняемый повел себя по-иному, отказался от прежних показаний. «Да он же во всем признался», — возмущался Ключев. Товарищи резонно заметили: этого мало, где доказательства следствия, данные участкового, материалы ГАИ?..

— Выкинул. Зачем они?

— Куда?

Ключев бросился искать корзину, но уборщица уже сожгла бумаги. Недешево обошлась эта оплошность, и она стала уроком на всю жизнь. Ведь даже на войне от него, молодого чекиста, опытного разведчика, требовали доказательств, документов, вещественных свидетельств. А тут тем более...

Перед глазами сотни дел, и в работе над каждым у следователя помощники — советские люди. В тот вечер Ключев стрелой летел на машине в Джанкой. Убит человек. Разговор с медсестрой: «Высокий, красивый, жалко до слез...» Откуда он? Не знают. Дружинники вспоминают, что сидел парень в сквере, понурился головой. И все. Ключев потерял сон. День, второй, третий... Переговорил с десятками людей. Ни единого лучика. Правда, шофер грузовика сообщил: проезжая, видел, как группа ребят вела подвыпившего человека. «Кто они?» Водитель повторил: «Пацаны какие-то». Потом, вернувшись, добавил: «Один вроде бы ногу тянул».

Кто же в Джанкое при ходьбе тянет ногу? Город большой. Перебрали всех. Кажется, напали на след, а он: «Ничего не знаю». Ключев сразу на квартиру, поговорил с матерью. Утром видела — сын куртку стирал. Спросила. «Упал, — говорит, — в грязь». Куртку передали экспертам. Пятна крови, волосы пострадавшего. Первый лучик истины... Немало еще, правда, пришлось приложить трудов, пока удалось раскрыть преступление.

— Трудно о нем говорить, — вздыхает Ключев. — Инженер, из научного центра Дубна. Ездил я туда. И вот что узнал. Семейный

конфликт. Расстроенный, уехал в Джанкой. С горя выпил. Группа молодых бездельников «приютила» инженера в парке, а вечером убила, надеясь добыть деньги на водку. В кармане погибшего нашли... 1 рубль 70 копеек.

Не раз потом Ключев наведывался в Джанкой, беседовал с молодежью, дружинниками, сотрудниками милиции. История, которая не дает забыть: человека не только надо уважать, охранять, но и вовремя спасать!

Четверть века работает следователем в Симферополе ветеран войны, боец незримого фронта полковник Тимофей Пантелеевич Ключев. Его здесь знают и уважают тысячи людей. За справедливость, нравственный пример, заботу о людях. К военным боевым отличиям добавились награды и благодарности «мирных» дней. Да, каждый шаг его — защита интересов граждан, интересов нашего государства.

...В летний театр поступила новая кассирша Надежда. Прошло несколько дней, и организатор Союзконцерта выдал ей четыреста рублей. Надежда удивилась:

— За что?

— Не шуми. За усердие.

Женщина не взяла деньги, а вечером рассказала об этом мужу. Факт стал известен органам МВД. Так появилась ниточка к новому делу. Администратор, не чувствуя контроля, проводил по пять-шесть внеплановых концертов в день. Шумное имя актрисы привлекало зрителей. Десятки тысяч рублей администратор клал себе в карман, а билеты сжигал, нарушая инструкции. На эту тропинку ступили и его дружки. Ключев с коллегами занялся расследованием. Но вот удивительно: кое-кто пытался встать на защиту преступников, мол, дайте народу послушать «звезд». Не видите разве, как люди стараются, даже ходят в потрепанных костюмах... Знали бы эти горе-защитники, что у Ключева и его коллег руки устали переписывать хрусталь на дачах у хапуг, которые в поте лица заботились о своих карманах. Спасибо честной, бескорыстной женщине-кассиру, которая помогла разорвать эту преступную нить.

Необычно запутанные бывают отношения, которые приходится анализировать следователю. Ключев ищет доказательства «за» и «против». Для него важно и то и другое. А если произошла ошибка? Человек не виновен? Самое тяжелое, когда несправедливо обвиняют.

Дело на мясокомбинате началось необычно. В милицию пришел шофер комбината Полотнянный и сообщил, что в колбасном цехе воруют продукцию. Казалось, все ясно. Но шли недели, проверены сотни документов, а следов жуликов не видно. Тогда Ключев предложил начать с другого конца: с базара. Пробыли там весь день, но даже запаха комбинатской колбасы не почувствовали, а когда уже собирались уходить, приехала машина с мясом. Началась продажа.

Проходя мимо, Клюев глянул в кабину — и только армейская выдержка спасла его от неверного шага: за рулем сидел... шофер Полотнянный. Тот самый, что сообщил о хищениях в колбасном цехе. А оказывается, он сам вор...

Вскоре они встретились в кабинете следователя. Уже были известны соучастники хищений, но не в колбасном, а в мясном цехе. Полотнянный сидел, опустив голову: «Ничего не знаю, возил по указанию начальника». Один раз, обращаясь к следователю, даже начал истерично кричать на него. Потом успокоился, виновато сказал: «Нервы... С войны... Вы-то что знаете о войне?»

— Почему ложно указали на колбасный цех?

— Чтобы скрыть следы...

— Утопить товарищей, а самому...

— Не говорите... Я во всем виноват!

Третья встреча с Полотнянным произошла через девять лет. Шел Клюев по московской улице. Перед ним остановился седоватый мужчина и крепко стал жать руку, приговаривая:

— Спасибо вам, Тимофей Пантелеевич. Вы справедливо и благородно вели следствие. Не мстили за мою несправедливость. Помните случай после войны? За ложные сообщения... А дело с мясокомбинатом?

— Я все помню...

— Я об этом долго думал, и это помогло мне встать на правильный путь.

Товарищи, шедшие с Клеуевым, удивленно смотрели на эту необычную картину — трогательную и тяжелую.

— И еще простите за слова: «Вы-то что знаете о войне?» Встреча на станции — я припомнил ее. Вы видели войну...

СЕРДЦЕ НА БАРРИКАДАХ

Мы увиделись в берлинской больнице. Я немало был наслышан о бесстрашной советской разведчице, пламенной немецкой антифашистке Рут Вернер. Позади у нее нелегких семьдесят пять лет, и думалось, увижу усталого человека. Но вот открылась дверь палаты, и навстречу бодро, уверенно вышла худощавая женщина с густыми седыми волосами. Дружески улыбаясь, крепко пожала всем руки и пригласила в просторную комнату.

— Рада, когда приходят советские друзья. Там — моя вторая родина. Жаль, что не могу встретить вас у себя дома, — извиняясь, заговорила она. — Приболел муж, и я решила быть с ним. Болезнь всегда не вовремя: дел уйма. — Тут же нетерпеливо стала расспраши-

вать о своих московских друзьях.— А как там поживает Наташа Звонарева?

Услышав, что Наталья Владимировна Звонарева чувствует себя неплохо, активно работает в Советском комитете ветеранов войны, встречается с молодежью, обрадовалась:

— Значит, как прежде, — в строю.

Они подружились с первой встречи. А была эта встреча давно, пятьдесят лет назад. Потом виделись не очень часто, порой накоротке, но каждый раз с глубокой душевной радостью. Казалось, за полвека на ветру истории многое стерлось в памяти. Но нет, слова подруги — в сердце, греют в нелегкие минуты. А встречи и расставания — трудные, трогательные — словно были вчера или даже несколько мгновений назад.

...Десять дней поезд шел в Москву. И все время Рут, придерживая своего первенца — Мишу, не отрывалась от окна. Любовалась зеленой тайгой, могучими реками Сибири, степным раздольем. И трудом людей нового мира. Мира ее мечты, где сегодняшний день — завтра ее родины. Она верила: и на немецкой земле будет социализм, защите которого готова отдать свою жизнь. Выдержит ли испытания? Да! Вспомнила свою первую схватку с полицией во время стачки. Против рабочих пустили дубинки и приклады. Досталось и ей.

С тех пор вся ее жизнь проходит на баррикадах борьбы с классовым врагом. Рут становится убежденным борцом-антифашистом, участвует в схватках с идейными противниками, в выступлениях на заводах, стечках с нацистами.

Время потребовало поменять род оружия. Рут Вернер стала солдатом тайного, невидимого фронта — разведчиком, чтобы вместе с друзьями на дальних подступах охранять родину революции — СССР, бороться против фашизма, за мир. «Меня никто не вербовал,— говорит она,— мой выбор подсказан личным и только личным пониманием интернационального долга». В 1930 году Рут с мужем Рольфом уезжает в Китай. И здесь происходит ее знакомство с Рихардом Зорге.

Вспоминает сейчас, как в квартиру вошел высокий, обаятельный человек. Он оказался приятным собеседником, сказал, что ему друзья рассказали о Рут. На прощание спросил: «А можно ли в вашем доме встречаться моим товарищам?» «Можно». Так Рут стала боевой помощницей легендарного Зорге. На ее квартире он провел десятки встреч со своими помощниками. Рут каждый раз была, как часовой, на посту.

— Это лишь начало,— сказал Рихард,— тебе еще предстоит много сделать. Обещай, что и в дальнейшем будешь держать ушки на макушке...

И вот Соня едет в Москву. Теперь Рут была «Соней», такое имя ей

дал Зорге. На время пребывания в СССР предложили устроить где-нибудь сына. Пришлось отправить Мишу к бабушке в Чехословакию.

Работа есть работа, и она полностью отдавалась ей. Союю окружали надежные друзья. Трогательно заботились о ней. 7 ноября они пригласили ее на Красную площадь, где проходила праздничная демонстрация. Вот тогда-то Соня и познакомилась с очень доброй и симпатичной Наташей — сотрудницей аппарата Яна Берзина — начальника разведуправления Красной Армии. «Наташа обладала недюжинным умом и горячим сердцем. У нее были удивительно большие темные глаза и такая прямота во взоре, что уклониться от этого взгляда было невозможно», — напишет потом Рут.

— Знаете, время тогда для меня летело стрелой. Месяцы, как дни... — взволнованно вспоминает Вернер. — И вот, взяв сына, еду в Мукден.

Там работала она вместе с Эрнстом, в прошлом гамбургским моряком. Сильный, надежный товарищ. Работа в Мукдене, оккупированном японскими милитаристами, требовала наивысшего самопожертвования. И они с Эрнстом буквально ходили на острие ножа. Зато каждое сообщение — удар по врагу. Ох, эти бессонные ночи у радиопередатчика... Не раз через точки и тире слышался голос Центра: «Китайцы — наши братья, они в беде, и им надо побратски помочь».

Днем Соня встречалась с боевыми друзьями. Наиболее близким был Фэн — спокойный, серьезный, сердечный человек. В апреле 1935 года он впервые не пришел на встречу. Вскоре Соня узнала, что Фэн арестован милитаристами, при нем нашли взрывчатку. Жуткие пытки и смерть, но патриот никого не выдал. Соня долго думала: как помочь жене и детям Фэна? А тут как на грех вызов в полицию. Ведя беседу по-английски, японский офицер как бы между прочим сказал по-русски: «Садитесь». Соня была настороже. Уловка офицера не удалась. Центр приказал из Мукдена срочно уезжать. Так же быстро пришлось покинуть и Пекин.

Новые задания, новые опасности. Побывав в Москве, Соня вместе с мужем и сыном окольными дорогами едет в Польшу. Фашистская Германия готовилась к войне, и отсюда многое можно узнать. Но жить было трудно. Через каждые десять дней приходилось получать разрешение на пребывание в стране. Только развернули работу, наладили связи — переезд в Данциг. Обстановка в «польском коридоре» осложнялась — нацисты закреплялись здесь. Работа требовала от Сони большого искусства. Закаленная в испытаниях антифашистка, она справилась с трудным заданием. Не случайно в те дни, посылая из забитого нацистами Данцига радиogramмы в Центр, однажды она получила в ответ радостное известие, что награждена орденом Красного Знамени.

Позднее ее пригласили в Кремль. Михаил Иванович Калинин с трогательной сердечностью, крепко пожав руку, вручил ей орден. Весь зал, заполненный военными, долго и громко аплодировал.

И снова в дорогу. Кружным путем добралась в Швейцарию, где ее работа была направлена также против нацистской Германии. Страна наполнена гитлеровскими агентами, и от разведчицы требовались особая конспирация и выдержка. Соня передала первые сведения. И вдруг сотрудник службы безопасности, вызвав ее, прямо сказал: вы имеете радиопередатчик, донесли соседи.

— Вот и догадайся,— говорит Рут,— откуда камень на тебя упадет.

Но Соня нашла выход:

— Да это же детская игрушка. Сын забавляется.— Лицо ее озарила добродушная улыбка.— Зайдите, господин офицер, посмотрите на это сооружение...

Затем передатчик пришлось спрятать высоко в горах, во дворе знакомого крестьянина.

Группа Сони росла, разведчики проникали в логово врага — Германию. Особенно отличался Лен — умный, выдержанный, отважный боец, который воевал еще против фашистов в Испании. Он с отчаянным бесстрашием добывал необходимые сведения. И сразу же Соня передавала их в Центр. Делала это вместе с Леном, который позднее стал ее мужем.

Сообщение о нападении фашистов на Страну Советов Соня встретила, находясь за границей. Она была потрясена. Постоянно узнавала: как там, в России? Мыслями и сердцем была на гигантском фронте, где решалась судьба мира...

Что же с Наташей Звонаревой? Не знала Рут тогда, что, работая секретарем парторганизации научно-исследовательского института, Наташа в первый же день войны попросилась на фронт. Ее отговаривали, но она видела свое место там, где шла смертельная схватка с гитлеровцами. И вот 16 октября 1941 года, в самое трудное время, Звонарева вступает в коммунистический батальон Куйбышевского района, чтобы встать на защиту столицы...

Так начался путь Звонаревой от Москвы до Берлина. Она знает немецкий язык, и ей пришлось всю войну действовать на передовой, буквально под вражеским прицелом, вести пропаганду среди немецких войск. Трудные, бессонные дни и ночи. Вместе с товарищами Звонарева пробиралась с МГУ (мощной громкоговорящей установкой) на передовую. «Ахтунг!» «Внимание!» — слышалось обращение, и шли беседы с немецкими солдатами. Гитлеровцы обычно отвечали огневыми налетами.

Удивительно, но сразу после войны не удалось встретиться Соне и Наташе. Их дороги, видимо, не раз перекрещивались в Берлине.

Наташа там работала среди женщин, помогала им устраивать жизнь по-новому. И Соня, вернувшись на родину, тоже включилась в дело: днем работала в ведомстве информации, а по вечерам — на восстановлении Берлина. Много времени занимали дети, но Соня, как всегда, успевала все делать. После войны Рут Вернер был вручен второй орденом Красного Знамени. «Ваши радиogramмы, товарищ Соня,— сказал тогда представитель Центра,— были всегда снарядами, были сильнее снарядов».

Новые мысли и планы не давали Рут покоя. Она жаждала активной деятельности, как и всегда, хотела быть бойцом, выдвинутой вперед, но теперь уже с другим оружием — словом. В пятьдесят лет осваивать новое дело непросто. Но разве она могла отступить? Рут берется за перо: сначала очерки, рассказы, а в 1958 году опубликовала роман «Необыкновенная девушка». Рут чувствовала, что она снова ведет активную, самоотверженную борьбу за новый мир, нового человека, против язвы нацизма и империализма.

...На встрече в Москве в составе делегации ветеранов войны из ГДР была и Рут Вернер. В зале она увидела знакомый милый профиль Наташи Звонаревой. Рут бросилась ей навстречу, и вот уже они сжимают друг друга в жарких объятиях. В зале заплодировали. Это была первая встреча после Победы, которой они отдали все, что могли,— годы, силы, сердца...

Они шли, обнявшись, среди массы людей, и смотрели друг на друга, и им казалось чудом, что они обе живы. Шли несказанно красивые в своей радости, гордости, единстве сердец и мыслей.

— Соня, скажи мне...— заговорила Наталья Владимировна, но подруга ее перебила:

— Теперь можешь звать меня Рут...

— Ты читала книгу «Ольга Бенарио»? Не знаешь ли ее автора? Я хотела бы с ней встретиться в Берлине...

— Автор перед тобой.

Услышав эти слова, Звонарева снова обняла подругу.

За два с половиной десятилетия Рут написала двенадцать книг. Они переведены на многие языки. Самая яркая из них «Соня рапортует» — убедительный, политически острый рассказ о делах интернационалистки, полных героизма и мужества. Книга вызвала широкий резонанс.

...Недавно в Берлине отмечали 75-летие Рут Вернер. Со всех концов планеты шли приветствия боевому солдату-интернационалисту. Много было друзей, но особенно радовало ее присутствие Наташи. Перед этим отметили 80-летие Звонаревой.

Неутомимая Рут Вернер постоянно ездит по республике, встречается с читателями, беседует с молодежью, вызывая восхищение

своим подвигом и неиссякаемым оптимизмом. В ГДР она удостоена Национальной премии и ордена Карла Маркса.

Как-то на одном из стадионов появление Рут Вернер воинским приветствием встретили два полка — Советской Армии и Национальной народной армии ГДР. Бодрым, решительным шагом, как закаленный в боях солдат, она прошла на трибуну. Громко звучал ее голос:

— Дорогие мои, я счастлива, что нахожусь среди вас, социалистических воинов, прикрывающих нашу планету от смертельной угрозы, выполняющих очень нужный на Земле, самый жизненно важный долг!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Рядясь в тогу дипломатов	5
С поличным	10
Человек с «двойным дном»	16
История, почти детективная, с Борисом Н.	25
В семнадцать мальчишеских лет	32
Сердце на баррикадах	41

Михаил Иосифович СТЕПИЧЕВ
ФРОНТ, ГДЕ НЕТ ПЕРЕДЫШКИ

Редактор Д. К. И в а н о в
Технический редактор О. Н. Л а с т о ч к и н а

Сдано в набор 19.07.83. Подписано к печати 23.09.83.
А 02793, Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гар-
нитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л.
2,10. Учетно-изд. л. 3,06. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 2197. Зак. № 1114. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ЛОТЕРЕЯ «СПОРТЛОТО»

● Свыше 200 спортивных сооружений построены и реконструированы с участием средств, вырученных от продажи билетов спортивно-числовой лотереи «Спортлото». Сотни тысяч человек получили возможность систематически заниматься физкультурой и спортом, укреплять свое здоровье в немалой степени благодаря помощи спортивной лотереи.

● Тиражи лотереи «Спортлото» проводятся по субботам. В них разыгрываются денежные суммы от трех до 10 000 рублей. Каждый билет играет двумя вариантами (комбинациями) номеров и является выигравшим, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров в одном из вариантов.

● Все билеты бестиражные. Их можно заполнить на любой тираж года и даже на несколько тиражей вперед.

ЖЕЛАЕМ УДАЧИ!

**Главное управление спортивных лотерей
Спорткомитета СССР**